

Александр
Кучаев

за
мертвой
чертой

Александр Кучаев
За мертвой чертой

«Геликон Плюс»

2014

Кучаев А.

За мертвой чертой / А. Кучаев — «Геликон Плюс», 2014

Невероятные сверхъестественные события, описанные в романе «За мёртвой чертой», начинаются с появления в провинциальном Ольмаполе дона Кристобая, пришельца из параллельного пространства. Застой в экономике, коррупция и моральное разложение значительной части ольмапольцев неблагоприятно сказывались на параллельной среде обитания, и этот профи был направлен в выше названный город для исправления ситуации. Обладая фантастическими паранормальными способностями, дон Кристобаль решительно берётся за дело. Посредством прозрачных выборов он приводит к власти бывшего журналиста Виктора Алексеевича Черноусова, исключительно честного бескорыстного человека, и его руками, а также с помощью своего друга Аркадия за несколько месяцев весьма жёсткими средневековыми способами избавляет Ольмаполь от огромной корпорации государственных воров и мошенников. Затем полностью очищает город от проявлений какой-либо преступности. Всё это незамедлительно приводит к бурному росту экономики и духовному возрождению общества.

© Кучаев А., 2014

© Геликон Плюс, 2014

Содержание

Глава первая. Появление испанца	6
Глава вторая. В кутузке	13
Глава третья. Под началом понятий	16
Глава четвёртая. Чёрт или ангел?	19
Глава пятая. Пожар	25
Глава шестая. Цирковое представление	27
Глава седьмая. Мандариновый рай	34
Глава восьмая. Первая победа	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Кучаев

За мертвой чертой

© Кучаев А, текст, 2014

© Геликон Плюс, макет, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют
и где воры подкапывают и крадут;*

*Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не
истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.*

Евангелие от Матфея

Глава первая. Появление испанца

– А, так вы из Ольмаполя! – обычно восклицали мои собеседники, узнав, откуда я родом. И переводили разговор на невероятные сверхъестественные события, происходившие в своё время в нашем городе. Причём так их расписывали, что только диву можно было даваться! И чем дальше от нас проживал собеседник, тем больше было разных выдумок и кривотолков.

Впрочем, и в самом Ольмаполе мало кто обладал достоверными сведениями. Одному мне было доподлинно известно, как развивались события, потому что я участвовал в них от начала и до конца.

Всё началось с того, что городские власти закрыли детдом № 1 под названием «Обязино» и, разогнав воспитанников по другим сиротским приютам, за гроши передали его строптивому магнату Колмовскому.

Переделав здание, магнат разместил в нём ночной клуб «Нирвана», спортзал, сауну, всякие массажные кабинеты с девочками-массажистками и все, что положено в таких случаях. Словом, получался замечательный развлекательный центр для богатых.

Располагалось это заведение на краю просторного парка возле чудесного озера Чехоньлей. С другой стороны к «Нирване» почти вплотную подступали кривенькие улочки местных фавел всё с тем же общим названием Чехоньлей, там обитала городская беднота.

Но случилось нечто невообразимое. За день до открытия центра почва под ним стала стремительно проседать, а озеро едва не вышло из берегов. Сначала под воду ушёл первый этаж, за ним второй, и вскоре на поверхности осталась лишь островерхая, крытая синей черепицей крыша. На этом наступление Чехоньлея прекратилось.

По периметру озера собрались толпы ликующего народа. Слышались крики: «Это их Бог наказал!», «Давно бы так!», «Всех бы этих кровососов взять и в воду!», «На вилы их, эксплуататоров проклятых!» Короче говоря, народ ярился, но дальше выкриков дело не двигалось.

Я переходил от одной группы горожан к другой, жадно ловя каждое слово. Как бывший воспитанник злосчастного детдома, я, наверное, больше всех радовался несчастью, случившемуся с богатеями.

На участке берега, который ближе всего подходил к затопленной «Нирване», стояли несколько иномарок, а возле них – упитанные, надутые спесью важные персоны: сам Колмовский, мэр города, он же глава района, Федотов и другие начальники, там же стояла прибывшая с ними свита. Колмовский отдавал какие-то распоряжения, кажется, речь шла о применении мощных насосов и укреплении грунтов.

Этих людей я ненавидел лютой ненавистью.

Машина магната стояла крайней в ряду. Не знаю, как у меня оказался булыжник, словно кто сунул его мне в руки. Бросок, хруст – и лобовое стекло иномарки пошло густой паутиной трещин. Толпа ещё больше возликовала, но расступилась, и я остался один перед охраной нуворишей.

Ноги сами понесли меня к лабиринтам фавел, где можно было найти укрытие. За спиной крики, какой-то неясный шум, всё это отдалялось и глохло. Вот один переулок, за ним другой. Вот уже позади и «клопятник» на шестнадцать квартир, за которым должен был обозначиться спасительный пробой между сараями, а за ним лаз, известный мне ещё с прежних детдомовских времён. Всего несколько шагов – и я буду в безопасности.

Но тут дорогу преградил внедорожник, выехавший из-за угла. Распахнулись дверцы, и возле машины выросли двое с резиновыми дубинками. Я оглянулся. Позади меня, в некотором отдалении, остановился ещё один автомобиль. Из него вышли еще двое.

Потом меня били. По почкам, печени, по рукам, которыми я пытался защитить голову. Но больше по горбу, торчавшему под левой лопаткой. Я был горбатым. Давно, шестилетним,

поехал на велосипеде с крутой горы, упал, вывихнул позвонок у основания шеи, и с тех пор я такой красавчик.

Я думал, меня забьют насмерть. Внутренние органы словно взрывались, жизнь уходила из тела, мутилось в глазах. Но даже умирая, я ненавидел своих мучителей. Меня то охаживали дубинками, то месили ногами. На мне вымещали и разбитое автомобильное стекло, и поглощение водой «Нирваны», и все неприятности, когда-либо выпадавшие на долю этих людей.

И вдруг побои прекратились. Кто-то наклонился надо мной и тронул за плечо.

– Как вы себя чувствуете, мой друг?.. Гм, кажется, вполне сносно. Тогда не будем тянуть время. Подымайтесь, нам надо уходить.

Всего секунду назад в проблесках сознания присутствовало одно-единственное ощущение, что тело моё расплющено и полностью парализовано. Но едва этот кто-то прикоснулся ко мне, как я сразу же почувствовал прилив новых сил, боль заметно притупилась и стада почти терпимой.

Пересиливая слабость и стараясь казаться стойким, я насколько мог быстро приподнялся, встал и оказался лицом к лицу с человеком лет сорока. Нет, не сорока... Ему можно было дать и шестьдесят, и тридцать – у него был какой-то переменчивый вид. Среднего роста, стройный, в шляпе-канотье с низкой тульей – такие сейчас никто не носит. В улыбке, игравшей на губах, было и сочувствие, и коварство. Он походил на француза... как его... Жан... Дальше не помню. Глаза этого типа, непонятно какого цвета, в данный момент излучали дружеское тепло.

Вокруг нас, выронив дубинки, в самых неестественных позах лежала охрана Колмовского. Выпученные остекленевшие глаза, судорожные однообразные движения и беспомощные попытки набрать воздух в лёгкие сквозь мучительные горловые конвульсии. Создавалось впечатление, что этих здоровенных мужиков поразило что-то изнутри, какой-то внутренний негативный заряд.

Достав платочек, я помимо воли охнул от острой рези, пронзившей спину, замер на секунду, пережидая, пока отпустит, после чего вытер разбитый нос, промокнул пораненную кровоточащую губу и постарался, как мог, отряхнуться от пыли и всякой дряни.

– Уходим, – повторил незнакомец и, легонько взяв меня за плечо, развернул в нужном направлении.

– Вы, наверное, каратист или самбист, – сказал я, стараясь не отставать от своего спасителя и непрерывно оглядываясь назад. В сужении переулка под окнами двухэтажного «клопятика» одиноко оставались два чёрных автомобиля, а между ними – плоские неподвижные фигурки охранников. Мне всё казалось, что сейчас они встанут и кинутся за нами вдогонку. – Каратист, самбист или боксёр?

– Ни то, ни другое, не третье. Да не волнуйтесь, Аркадий, из-за хулиганов, напавших на вас. – Он назвал меня по имени, хотя я ему не представился. – Они очухаются только через полчаса. За это время мы можем обойти половину города.

– Ни то, ни другое, но владеете боевыми искусствами.

– Пожалуй, владею.

– Ещё бы не владеть – таких амбалов завалили! А чем вы их – кулаком или ногой?

– Я уж и не помню. Быстро как-то всё получилось: раз – и они на полу, то есть на земле.

– Молодца! Эх!..

Мне льстило, что рядом со мной столь незаурядная личность. Я и сам всегда мечтал быть сильным и ловким, способным отразить атаку множества врагов, немало делал для этого, но где мне было до него!

Незаметно мы оказались на главной улице.

– Вы голодны, вам надо поесть, – сказал незнакомец.

И правда, утром я выпил лишь стакан полусладкого чая, а уже близился вечер, и пустой желудок напоминал о себе.

Мы остановились перед дверьми «Золотого дракона», лучшего ресторана города, завсегдатаями которого были представители ольмапольского делового, чиновничьего и бандитского истеблишмента.

– Что вы, нас туда не пустят, – сказал я, опустив голову. Пока меня валтузили в том переулке, штаны и рубашка запылились, кое-где виднелись кровавые пятна, и как я ни старался отчиститься, попытки мои были малоуспешны. К тому же ресторан для людей моего сорта являлся запретной зоной. Я и не мечтал оказаться в подобном заведении, да и сейчас в карманах у меня было всего лишь полтора рубля мелочью.

– Думаю, что пустят, – сказал незнакомец и, не колеблясь, взялся за ручку двери. – И не беспокойтесь о деньгах, я угощаю.

Действительно, мы довольно свободно прошли в зал со столиками. Человек, за которым я следовал, держался достаточно уверенно, обслуга немедленно отступала в сторону и даже показывала дорогу. Швейцар строго посмотрел на меня и уже открыл рот, чтобы произнести «А ты куда?», но короткое повелительное мановение руки незнакомца мгновенно лишило его ретивости, и страж дверей склонился в почтительном поклоне.

Нас отвели в дальний угол зала возле окна, откуда хорошо просматривалась вся прилегающая часть улицы. Мы уселись друг против друга.

– Зовите меня дон Кристобаль, – сказал мой новый товарищ.

Раз дон, значит, испанец, но это полностью исключено! Каким ветром выходца с Пиренейского полуострова могло занести в наше захолустье? И так чисто говорит по-русски! Врёт, несомненно. Хотя очень похож... Да пусть врёт. Я находился под обаянием этого человека и многое готов был простить ему.

– Меня вполне можно причислить к пиренейцам, – сказал дон Кристобаль, словно читая мои мысли. И немного дурашливо произнёс несколько слов похожих на испанскую речь. – *Dios mío, gue pesadilla!* Позже я узнал, что эти слова означают: «О боже, какой кошмар!»

– Вы ведь слышали предположения уфологов, – полувопросительно произнёс он уже на русском, – что в человеческом сообществе вращается немало представителей инопланетных или параллельных миров?

Его слова проносились в моём сознании, как вспышки звёзд в ночных небесах.

– Конечно, слышал. Об этом и по телевизору говорят.

– И каково ваше отношение к подобным разговорам?

– Ну, такие типы, может быть, присутствуют среди нас, а может – и нет.

– А вам хотелось бы встретиться, скажем, с персоной, прибывшей из параллельного пространства?

В течение диалога дон Кристобаль не спускал с меня пристального изучающего взора. Голос его постепенно стал звучать как бы сквозь вату, со стороны, и окутывал меня лёгкой плывущей кисеей забвения, через которую не переставал проникать присущий ресторану едва уловимый запах свежесваренного кофе и ещё чего-то вкусного, обострявшего чувство голода.

– Любому, наверное, приходила мысль взглянуть хоть одним глазком на какого-нибудь пришельца. Я сам иногда задумывался об этом. Вопрос, как его распознать среди остальных людей?

Мне стало немножко смешно. Я чуть ли не со дня рождения был одинок и всегда хотел подружиться с кем-нибудь, тем более с выдающейся личностью. А инопланетяне, несомненно, должны обладать незаурядными качествами. Только эти «ино» и всё, что связано с ними, скорее всего, чушь, и наш разговор переходил уже в область нелепой несуразной фантастики.

– Конечно, – сказал дон Кристобаль, – он не стал бы объявлять во всеуслышание, что является представителем иной цивилизации. И вряд ли бы он сколько-нибудь заметно отличался от окружающих. Только если шляпой-канотье, как у меня, или ещё каким-нибудь пустяком.

– Понятно, что его ничем не выделить среди прочих. – Мне пришлось кашлянуть, чтобы скрыть свой скепсис. – Наверное, это был бы своего рода разведчик.

– У него может быть и совсем другое задание.

– Например, что-нибудь взорвать! – я не смог сдержать улыбки.

– Или, – испанец многозначительно прищурился, всё также буравя меня глазами, – исправить ту или иную ситуацию в лучшую сторону.

– А зачем бы ему понадобилось исправлять? Что за альтруизм?

Я отрицательно покачал головой, всем своим видом выражая сомнение. В памяти всплыли телепередачи с участием тех же уфологов, предупреждавших об опасности встречи с пришельцами. И смертоносные лучи, исходящие от их летательных аппаратов. И медицинские эксперименты над людьми. И немалое число похищений. От этой «дружбы» небо могло показаться с овчинку... Впрочем, всё это фантастика, вновь подумал я. Если серьёзно – никаких пришельцев нет и быть не может.

– Дело не в альтруизме... – Дон Кристоаль внимательно обвёл глазами ресторанный зал, задерживаясь на мгновение на отдельных деталях интерьера и ходящей по залу обслуге, и вновь обратился ко мне. – Не в альтруизме, а в том, что ваши неурядицы мешают развитию тамошнего параллельного мира.

У меня стало появляться ощущение, что испанец пытается докопаться до самых исподних моих мозговых извилин.

– Предположим, что общество, находящееся за параллельной чертой, в своём развитии ушло далеко вперёд. Но всё в Мироздании взаимосвязано, и отставание человечества, вкупе с разными нравственными извращениями, стало тамошним обитателям мешать, оно негативно влияет на их ноосферу. Вы для них как кривое зеркало, в котором искажается действительность. Лучше, чтобы эта кривизна исчезла. Известно ведь, что в одних случаях зеркало может лечить, в других – наносить ущерб здоровью. Глядя в ваше зеркало, вполне вероятно заполучить весьма неприятную хворь. И вот оттуда, из параллельного края, сюда направляют одного из своих профи. Для устранения помех, не позволяющих вам прогрессировать. Первое, что он сделал, – это утопил «Нирвану», ибо основание её на месте детского дома было наивысшей несправедливостью, злостным уродованием социальных взаимоотношений, и без того достаточно примитивных.

– Какой-нибудь простак, – сказал я, – заключил бы из ваших слов, что прибытие инопланетянина – свершившийся факт.

– А что если так и есть!? Прибыл и уже действует. Утопил развлекательный центр...

К нам приблизился официант, и дон Кристоаль стал что-то довольно долго говорить ему, водя пальцем по меню. Официант кивал головой и не переставал чиркать карандашиком в блокноте, очевидно, записывая заказ. Я впервые оказался в ресторане, подобные сцены видел только по телевизору и поэтому наблюдал с интересом.

– И кто бы мог быть этим профи? – спросил я, когда официант удалился. – Покажите мне его. – Я протянул руку в направлении окна, за которым какой-то пьяный парень зигзагами тащился по тротуару. Хотелось ему вперед, но его неизменно тянуло то в одну сторону, то в другую. – Уж не тот ли несчастный, который еле держится на ногах?

– А как вы считаете, я – подходящая кандидатура? – испанец вызывающе выставил подбородок. – Что бы вы сказали, окажись я тем самым посланцем?!

– Ответил бы, что анекдоты лучше всего после обеда рассказывать.

– Весьма достойные слова. Так-так... Ему мало «Нирваны», для веры нужны новые чудеса.

Дон Кристоаль несколько рассеянно поводил ладонями по крышке стола туда и сюда, и мне стало казаться, что стол тоже начал раскачиваться в такт его движениям, словно лодка на пологой волне. Но это оттого, наверное, что странные интонации его голоса как бы продолжали

окутывать меня всё той же плывущей кисеей забвения. Не только стол, но и стены уже покачивались и плыли, как в тумане, и люди в ресторане, похоже, ходили по колено в стелющемся над полом белом дыму.

– Я уже упоминал, что в своём развитии мы ушли далеко вперёд, поэтому многое можем. – Он прострелил меня странным гипнотическим взглядом, отчего я вздрогнул и почувствовал быстрый озноб вдоль позвоночника, впрочем, тут же исчезнувший.

– Ваше проклятие – горб под левой лопаткой. И вы сочли бы за великое счастье избавиться от него. Мысли об этом не покидают вас ни на минуту.

Испанец не переставал всматриваться, словно стараясь проникнуть в такие потаённые глубины моего сознания, которые были неведомы мне самому.

Мне вдруг стало жарко. По лицу, спине, груди побежал обильный пот, тело начало расслабляться и погружаться в необычную сладкую истому, в какую, наверное, можно было погрузиться только в перворазрядной небесной сауне под руками опытной ангелицы-массажистки, севшей на тебя верхом. А потом ощущение самого себя и вовсе исчезло, течение мыслей полностью прекратилось, я видел только чёрные всевластные глаза напротив. Чёрные – вот каков их цвет!

Потом наступил кратковременный, как мне показалось, провал в памяти.

Когда реальность вернулась, я увидел дона Кристобаля, созерцавшего всё того же пьяного парня за окном, нашедшего, наконец, приют на обочине дороги.

Я ощущал незнакомую лёгкость во всем теле, непривычную гибкость суставов, как бы эластичность позвоночника – ведь отвратительный спинной нарост постоянно придавливал меня к земле. Мне почудилось, будто я стал стройнее и выше ростом, и почти сразу же понял, что так оно и есть: я вырос сантиметров на двенадцать, а горб исчез и уже не кривит спину.

Схватив себя за спину одной рукой, потом другой, я почти беззвучно ахнул, затем, не удержавшись, вскочил со стула и подбежал к огромному, в полстены, прямоугольному зеркалу, сиявшему у входа в зал.

В зеркале отразился молодой парень, высокий, широкоплечий, с широкой выпуклой грудью. Ставшая короткой рубашка едва доставала до пояса. При всём при этом – ни малейшего намёка на горб.

Это был я! Нет, кто-то другой! Я никак не мог быть таким! Я должен был оставаться горбатым, ничтожным, всеми презираемым и ненавидимым.

Глаза мои всё ещё не верили сами себе, и одновременно в них начала зажигаться радость возрождения, радость от того, что вроде бы я становился своим среди людей. Лицо, еще минуту назад искажённое постоянным сознанием своего уродства, неуловимо изменилось. Пусть я и не стал красавцем, но наверняка должен был теперь привлечь к себе не один заинтересованный женский взгляд.

В голове ещё больше закружилось, и я опустился на стул, так кстати оказавшийся рядом. Ресторан и люди в нём куда-то исчезли, на время я обо всём забыл, и только узенький холодочек слёз не переставал ощущаться на щеках...

– Как вы себя чувствуете? – спросил испанец, когда я, до крайности возбуждённый и вверженный в какую-то неведомую прежде неземную усладу, вернулся за стол.

– Как чувствую?.. – прошептал я, упираясь взглядом в своего благодетеля и едва сдерживая рыдания. Всё-таки две слезинки навернулись на глаза, и я смахнул их ладонями. – Это чудо какое-то! Я не знаю, что сказать! Невозможно передать словами, что я чувствую! Я словно заново родился. Скажите, что мне такое сделать, чтобы хоть чем-то вас отблагодарить? Я... я всё для вас сделаю. Жизни не пожалею...

– Потом отблагодарите, – сказал испанец, не дав мне договорить, и криво усмехнулся – Когда представится случай.

Официант принёс заказанные блюда, но почему-то еду подали только мне, а перед доном Кристобалем поставили один лишь стакан виноградного сока.

– Я солнцеед, – сказал старший товарищ, опережая вопросы. – Восполняю энергию тела за счёт солнечного излучения. Таких людей немало и в вашем мире. Еда мне практически не нужна. Глоток сока – это так, за компанию.

Он отпил немного, я же, по мере возможности стараясь не показаться чересчур прожорливым, принялся за еду. Фирменный салат из телятины, болгарского перца и баклажанов, обжаренных в растительном масле. Слабосолёная сёмга. Суп-лапша куриная с грибами. Сви-нина с черносливом, курагой, сыром и специями. Штрудель яблочный из слоёного теста. Аро-матный кофе со сливками. Всё было исключительно вкусно. Прежде ничего подобного я нико-гда не пробовал, и даже не знал, что такая еда существует.

Мой друг-приятель сколько-то минут наблюдал за тем, как я управляюсь с кушаньями, а потом немного смущённо проговорил:

– Гм, пожалуй, я нарушу табу. Ну его к чёрту. Вы едите, а я – нет! Такое невозможно дальше терпеть.

Он поднял палец вверх. Официант, не спускавший с него глаз, тотчас же принял заказ. Принесли ещё холодных закусок, затем дымящееся горячее и графинчики с водкой. Испанец опрокинул рюмку «Пшеничной» и навалился на еду так, словно не ел целую неделю.

Тем временем ресторан заполнялся посетителями. Постепенно большинство мест оказа-лись занятыми. Заиграла негромкая музыка.

В какой-то момент в зале появилась группа молодых людей, неспешно направившихся к углу, в котором мы располагались.

– Что такое, Арнольд?! – сказал один из них, обращаясь к ресторанному распорядителю и показывая на нас. Я узнал его. Это был Гриша Федотов, сын городского мэра, высокий, строй-ный, смазливый – что-то от него исходило приятно-конфеточное. Одни зелёные глаза чего стоили. Наверное, не одну женщину они лишили сна. Время от времени он показывался на телеэкранах. Встретившись со мной взглядом, он чуть поморщился, видимо, его смутила моя неказистая одежда. – Что такое, наши места заняты!

Арнольд угодливо засуетился.

– Мы не думали, что они засидятся. Минуточку.

Склонившись к дону Кристобалью, он что-то зашептал, показывая на столик у входа в зал.

– Вы хотите доставить нам неудобства, чтобы было удобно этим господам! – достаточно громко ответил испанец. Он неторопливо выпил ещё рюмку, на этот раз «Ржаной», и отёр рот бумажной салфеткой. – Нет, мы не будем пересаживаться. Думается, с золотой молодёжью ничего не случится, если сегодня она посидит у входа.

– Жорж, Алекс, помогите пересесть этой парочке, – вполголоса проговорил Григорий.

Двое довольно мощных толстошеих парней вышли из-за его спины и, показывая кру-тизну, направились к нам, очевидно, намереваясь ухватить за шиворот.

Дон Кристобаль подался ко мне и шепнул шутливо:

– Мой друг, придётся вам защитить нас.

От него слабо пахло водочным перегаром.

– Не уверен, что...

– У вас всё получится. Я помогу. Приступайте.

Делать нечего. Отставив стул, я шагнул навстречу молодым людям, которые совсем нена-много были старше меня. Робость, секунду назад заставлявшая моё сердце биться не совсем ровно, исчезла, вместо неё появились удалство и злость, знакомые по предыдущим схваткам в подворотнях.

Дальше действие происходило, как в плохом боевике. Поняв по моему виду, что я задумал, один из парней, Жорж, провёл молниеносный боковой удар левой мне в голову. Почти

провёл. Ловко это у него получилось, но я подался чуть назад, и атака была нейтрализована. Пролетев мимо моего носа, кулак врезался в физиономию Алекса, отчего последний растянулся на полу.

Раздосадованный оплошкой, Жорж пришёл в ярость; лицо его налилось кровью, губы стиснулись в узкую полоску. Следующим ударом, прямой правой, он хотел припечатать меня к стене, но опять едва заметный уклон и... кирпичная стена, задрапированная тканью, устояла, а мой противник с глухим рычанием опустился на колени, держа на весу онемевшую руку. Наверняка, кисть у него была сломана в двух или трёх местах.

Вот, собственно, и всё. Я вернулся к дону Кристобалью и с неведомой мне прежде невозмутимой весёлостью принялся за прерванную трапезу. Я чувствовал себя молодцом. Особенно мне понравилась собственная реакция и скорость движений. Испанец, с невинным видом наблюдавший за схваткой, зевнул, прикрывая рот ладонью, и, опрокинув очередную стопку, принялся за багряно-красный приправленный сметаной украинский борщ.

Федотов-младший побледнел, руки его непроизвольно сжались в кулаки. Сколько-то мгновений он стоял неподвижно, не зная, как быть. Наконец, придя в себя, он дал указание позаботиться о своих пострадавших товарищах. После чего круто повернулся и вышел вон. Остатки его компании – две девушки и ещё один парень – последовали за ним.

– Спокойствие, господа! – произнёс распорядитель, обращаясь к притихшим посетителям ресторана. – Все недоразумения разрешены. – Он и двое его помощников переправили горе-драчунов в подсобное помещение – одного увели под руки, другого, Алекса, оттащили подмышками. Кажется, приезжала скорая, которая увезла Жоржа в травмпункт.

Подождав, пока я закончу с едой, испанец опрокинул последнюю стопку водки, запил её охлаждённым апельсиновым соком, слегка осоловело глянул на меня и сказал:

– Сейчас сюда прибудет ОМОН. Нам ведь ни к чему лишние приключения, верно? Потому – уходим.

Дон Кристобаль расплатился, и мы покинули заведение. На выходе мой спутник зацепился ногой за едва заметный порожек, и мне пришлось поддержать его, чтобы он не упал. Вдогонку донеслось:

– Один из них – Квазимодо, детдомовский. Это тот, который моложе. Он так переменился!.. Но я узнал его.

Квазимодо – моя кличка.

Когда мы уже оказались на улице и отошли на несколько шагов, я оглянулся, и мне показалось, что из ресторанных дверей нас провожают чьи-то внимательные глаза.

Глава вторая. В кутузке

Не успели мы отойти и на треть квартала, как подъехала машина с мигалкой, нас схватили дюжие полицейские и, сопровождая тумачами, погрузили в задний зарешеченный отсек. Дон Кристобаль не оказал никакого сопротивления. В тот момент мне казалось, что водка окончательно затуманила его мозг, и он не отдавал отчёта происходящему.

Несколько минут тряски на жёстком полу отсека, поворот налево, поворот направо, и машина остановилась. Снаружи послышался крепкий матерок, дверца распахнулась, и было велено выходить. Нас провели в отделение полиции, и в итоге мы оказались в довольно просторной слабо освещённой камере без окон.

Испанец повалился на деревянный топчан и мгновенно уснул. Временами он всхлипывал, издавал неясные звуки и называл какие-то имена. Наконец он ясно произнёс: «Наташа, милая, прости!.. Ой, мамочки, да за что же меня так?»

Я сидел на другом топчане и размышлял над превратностями судьбы. Сначала меня били, потом я разделялся с вкусной едой в роскошном по ольмапольским меркам ресторане, теперь вот оказался в изоляторе или камере предварительного содержания – я не знал, как такие помещения правильно называются.

Не очень-то кайфово оказаться в кутузке, но почти вся моя жизнь проходила под минорные аккорды, потому и сейчас я не слишком унывал, а больше думал о том, как бы выбраться из неблагоприятной ситуации с наименьшими потерями. Хотелось бы обойтись без очередных побоев, оскорблений и тому подобного.

Прошёл час или больше, прежде чем за дверью послышалась грубая речь, заскрежетал замок, и в камеру вошли три полисмена с дубинками.

– А ну, подъём! – рявкнул старший из них с широкими лычками на погонах.

Словно подброшенный, я сорвался с топчана и встал, вытянувшись в струнку.

Мой же сосед по камере лишь зашевелился, неразборчиво пробормотал два-три слова и повернулся на другой бок лицом к стене.

– Я кому сказал – подъём! – ещё яростней крикнул сержант.

– О господи, да когда же дадут поспать! – теперь уже отчётливо проговорил испанец и поворачивал боками, устраиваясь поудобнее.

– Ах ты, сука! – вскричал блюститель порядка, выведенный из себя поведением задержанного, и что есть силы огрел его резиновой дубинкой.

Такой удар должен был если не убить, то серьёзно покалечить, но дон Кристобаль лишь привстал, сел, спустив ноги с топчана на пол, и почесал ушибленное плечо.

– Вы не очень-то приветливы, мой друг, – вежливо сказал он сержанту. И вслед за этим понёс несусветное: – Почему вы так раздражительны? Может быть, оттого, что далеко не полностью удовлетворяете свою жену, и она каждый день пилит вас за это и то и дело поглядывает на сторону?

Ой, что тут началось! Окончательно взбешённый сержант принялся резиновой дубинкой наносить удар за ударом. Свалив заключённого на пол, он продолжил избиение, пуская в ход попеременно и дубинку, и ноги. К нему присоединились его товарищи, и уже втроём они начали втаптывать несчастного в деревянный настил.

Закрыв лицо руками и дрожа от страха, я вжался в угол камеры и боялся посмотреть на происходящее. Одно мне было ясно: у меня на глазах совершается жестокое убийство.

Не помню, сколько времени это продолжалось, должно быть, немало, но наступила минута, когда истязатели устали и в изнеможении присели на топчаны. Тело, распростёртое на полу, походило на кусок окровавленного мяса.

Достав дрожащими руками сигарету, сержант сплюнул, закурил и, немного заикаясь, проговорил:

– Так, этого в мешок и – на свалку.

Тяжёлый взгляд его как бы случайно остановился на мне. Мгновения размышлений, и он продолжил:

– Второго оглушить и – в реку.

От ужаса волосы зашевелились у меня на голове.

Младшие полицейские уже привстали было, чтобы приступить к исполнению приказа, как вдруг испанец судорожно вдохнул, кашлянул, повернулся, сел, опираясь руками о пол, тряхнул головой и поднялся на ноги.

– Не будем спешить, друзья, – невозмутимо, как ни в чём не бывало, проговорил он слегка дребезжащим голосом. – Зачем торопиться с мешками? Может быть, нам удастся договориться?

– Что за чертовщина? – недоумённо проговорил один из полицейских. – Мы же его в месиво превратили.

– Я умею хорошо расслабляться, – всё так же невозмутимо пояснил испанец. – Потому ваши удары не нанесли мне особого вреда. Ну так как, будем договариваться?

С этими словами он вынул из кармана толстую пачку тысячерублёвок и, не спеша, начал отсчитывать одну бумажку за другой.

– Их что, не обшмонали, когда брали? – недоумённо проговорил сержант.

– Как же не проверяли, обязательно, – тоже недоумённо и сбивчиво сказал другой полицейский. – Без этого нельзя.

Не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, сержант выхватил деньги у дона Крестобалья, секунду подержал на ладони, как бы прикидывая на вес, и сунул себе в карман.

– Руки! – грозно произнёс он. – Руки за голову, падаль!

Испанец послушно завёл руки за голову, и страж правопорядка удивительно быстро ощупал его одежду. На свет появилось ещё несколько пачек тысячерублёвок, золотой портсигар, золотая зажигалка и длинная цепь, состоящая из толстоватых звеньев – на неё вполне можно было посадить какого-нибудь премогучего ротвейлера, – пригоршня колец и серёжек, мобильный телефон, инкрустированный драгоценными камнями.

– Проверьте и второго, – задыхаясь от волнения, проговорил сержант и кивнул на меня.

Всего за минуту до этого, кроме упомянутых уже полутора рублей, в карманах у меня была одна лишь пустота. Тем не менее подручный сержанта извлёк из потайных мест моей одежды ещё несколько пачек тысячерублёвых и пачку стодолларовых купюр, тяжёлую золотую зажигалку, выполненную в виде пистолета системы «вальтер», дорогой телефон, обложенный по краям золотым ободком и золотые же часы с массивным платиновым браслетом. Под конец полицейский вытащил из правого кармана моих штанов двойную стопку золотых червонцев царской чеканки в целлофановой упаковке.

Я чуть не свалился в обморок от удивления. Наши тюремщики тоже были словно в лихорадке.

– Откуда у них столько? – выговаривал сержант, подрагивая губами и завороченно глядя на купюры и золото. – Тот-то, – он повёл глазами на испанца, – ещё куда ни шло, а эта-то шантрапа!.. – взгляд на меня. – Ограбили они, что ли, кого? Ладно, пусть пока побудут у нас. Скоро Жора с Алексом должны подъехать, поквитаются с ними за ресторан... Посмотрите-ка на этого ублюдка, глазёнками-то как зыркает! – Он пребольно ткнул мне дубинкой в живот. – Вложите и ему.

Последовало ещё несколько ударов «демократизаторами», и я растянулся у ног мучителей.

Когда мы остались одни, дон Кристоаль погладил меня по спине, и вновь его животворящая сила влилась в моё тело. Покряхтывая от боли, я поднялся и сел на топчан.

– Знаешь, Аркадий, – сказал товарищ по несчастью, – мне эта лавочка начинает надоедать. Кроме новых побоев, нам здесь ничего не светит. Посему немедленно убираемся.

Он посмотрел на дверь, и та, скребнув замком, тихо отворилась.

Миновав коридор, мы оказались перед окошком, за которым сидел дежурный.

– Вы куда?! – в изумлении поднял брови полицейский.

– Да вот решили прогуляться, – негромко ответил испанец. – Вы ведь не будете возражать?

Дежурный сразу успокоился и, зевнув, проговорил:

– Конечно, прогуляйтесь. Говорят, полезно для здоровья.

– Фу, какой негостеприимный город! – воскликнул дон Кристоаль, оказавшись вне стен мрачного заведения. Лицо его нервно передёрнулось. Послышались голоса, шаги, и он посторонился, уступая дорогу нескольким прохожим, испуганно взглянувшим на него. Вынув платок, он обтёр лицо и шею, и ни следа побоев не осталось. – Здорово нам вломили. И это при том, что ничего криминального за нами не было, максимум, что мы делали, – защищались, причём совершенно не применяя физическую силу! Какого же приходится тем, кого подозревают в серьёзных правонарушениях?! А ведь среди них могут оказаться и абсолютно невиновные!

Слушая дона Кристоаля, я всё никак не мог изгнать из глаз банкноты и изящные предметы, украшенные золотом. На какую сумму там было всего? В голове не переставали мельтешишь числа с большими нулями; я пытался их упорядочить, но они непременно ускользали, никак не желая приходить в соответствие с окончательным знаменателем.

– Не жалко было оставлять полициям такое богатство? – спросил я, не вытерпев.

– Не жалко. И вы не жалеете, Аркадий. Банкноты, оказавшиеся в руках достославных полицейских, не настоящие. И золотые безделушки – тоже не более чем дурилово. Не успеют наши новые знакомцы поделить эти финтифлюшки, как те превратятся в пыль, мусор, мышинный помёт, словом, во всякую дрянь.

Глава третья. Под началом понятий

Несколько последующих дней дон Кристоаль более обстоятельно знакомился с Ольма-полем. Мы прошли рынки и рестораны, добрую половину магазинов и пивных, побывали в пошивочных и многих других мастерских, на мясных, молочных и маслодельных предприятиях, а также на крупных заводах и ГРЭС – самой мощной в стране электростанции такого типа.

Мы изучали убогую жизнь фавел и роскошную – посёлка Солнечная Долина, который в народе называли Полем Чудес и в котором проживала местная знать, то есть высокопоставленные чиновники, наиболее крупные предприниматели и бандиты. Посёлок этот стоял на берегу реки Ольма за высоким забором со шлагбаумами и охраной. С трёх сторон его окружал весёлый хвойный лес, загромождавая от излишне любопытных глаз.

Побывали и в святой святых Ольмаполя – в здании городской администрации, и даже в мрачных тюремных казематах. У моего испанца была способность проникать всюду – как у знаменитого мага и ясновидца Вольфа Мессинга. В его присутствии эта способность передавалась и мне. Оба мы были неуязвимы перед, казалось бы, недремлющим оком охраны.

Нам не нужен был автобус или такси. Дон Кристоаль обладал даром телепортации, и мы мгновенно оказывались там, где хотели побывать.

Мой товарищ покупал на рынке рыбу, пойманную в Ольме, и видел, как, честно глядя ему в глаза, его обвешивают почти на четверть от каждого килограмма. А в закусочной пытаются втиснуть пирожки с начинкой из тухлой телятины. В магазине одежды уговаривают купить дорожный костюм, изготовленный из бумаги и предназначенный для усопших – при первых же каплях дождя ткань этих костюмов превращалась в подобие кисеи и расползалась на отдельные волокна.

Подобных примеров было несть числа.

Прогулявшись по колбасным цехам, дон Кристоаль убеждался, что там самым бессовестным образом вместо мяса в сосиски намешивают пищевую эмульсию, соевый белок, картофельную муку и крахмал, вкусовые добавки и красители. Эмульсия – это кожа, субпродукты, отходы мясопроизводства – всё размолотое и уваренное до состояния светло-серой кашицы с последующим окрашиванием в розовый цвет.

Или умудряются изготовить замечательную на вид колбасу вообще без использования отходов мясопроизводства, а только опять же из тщательно размолотого и уваренного гороха с увеличенной вкусовой добавкой и красителем. Мы пробовали такую колбаску. На вкус – самая что ни на есть мировая закуска, вполне пригодная к употреблению.

В одном из цехов колбасу изготавливали даже не из растительной массы, а... У нас глаза из орбит полезли, когда мы увидели, что её «варят» из самого настоящего картона с примесью ещё каких-то искусственных отбросов, непригодных для человека. Простолюдины, хоть и кривились, но ели этот продукт, на вкус напоминавший резину, и, наполнив желудок, чувствовали некое подобие сытости. Что потом происходило со здоровьем этих людей, одному богу известно.

Выйдя же из здания городского суда, испанец говорил: мол, смотрите, мой друг, человек стянул пару бутылок водки – ему четыре года отсидки. А украл сто миллионов баксов – фактически ничего, не считая порицания за недостаточно целесообразное расходование бюджетных фондов; максимум – небольшой условный срок или символический домашний арест.

Незримо, словно невидимки, мы присутствовали на совещании высокопоставленных чиновников по вопросу, как лучше израсходовать огромные средства, выделенные государственной казной на защиту лесных массивов от пожаров. В итоге, на противопожарную профилактику было определено ровно столько, сколько хватило бы нескольким бомжам для скром-

ного застолья на опушке леса, плюс отдельно – на оформление бумаг для отчёта о проделанной работе. Остальное решили кружным путём перевести на счета участников переговоров.

А спустя полчаса мы слушали, как раздувают денежные суммы, требуемые на строительство автотрассы. Стоимость дороги в результате возрастала десятикратно, асфальт же, по всей видимости, должен был сойти со щебёнки после первого же весеннего дождя.

Побывав в кабинете градоначальника, мы видели, как за миллионные откаты коммерческим структурам передавались земельные участки.

Не успели мы с доном Кристобалем переглянуться, а высший ольмапольский босс уже давал спешное указание о переводе нескольких десятков миллионов бюджетных денег нужным людям в Москву. Якобы, за участие в реставрации дома знаменитого купца и промышленника Малькова, хотя москвичи там и пальцем не шевельнули, и даже не знали, где этот дом находится.

Едва закончив с этой аферой, Федотов уже подсчитывал итоги искусственного разорения одного из строительных предприятий, отчего большая часть акций оказалась у подставного лица, дальнего родственника мэра.

А спустя час, уже после обеденного перерыва, тот же Федотов вёл разговор о передаче земли возле целебного Серенького источника у подножия Ольминских гор какой-то иногородней фирме. За сто пятьдесят миллионов. Под строительство санатория для отдыха и лечения разного сорта светских львиц. Вода там была хороша: она избавляла от ожирения, омолаживала и вызывала неистощимую волну новых сексуальных желаний.

Ещё спустя несколько минут видели, как на основе сфальсифицированного аукциона оформлялись турбазы на берегах Ольмы. На имена жён градоначальника и его ближайших заместителей. За суммы от ста двадцати до двухсот тысяч рублей. При реальной стоимости баз от тридцати до ста сорока миллионов.

– И всё же это мелочи, – сказал я, когда диорама с кабинетом мэра исчезла из глаз. – В Москве-то миллиардами ворочают!

– Не придирайтесь, Аркадий, – ответил испанец. – Не забывайте, что курочка по зёрнышку клюёт. Мы всего-то ничего наблюдали за Федотовым и то вон, сколько всего насмотрелись! Глядишь, за год миллиардик-другой и нашкребается.

Мы скользили туда и обратно и в тот же день стали свидетелями, как в суде разваливают уголовные дела за взятки от ста тысяч до десятков миллионов.

А в следственном комитете прекращают расследования за не меньшие суммы. Нечто подобное происходило и в прокуратуре.

Не буду больше перечислять. Чиновничий мир, не уставая, трудился в поте лица своего. И не только чиновники. Почти везде, где бы мы ни были, обвешивали, обкрадывали, обманывали, выдавали туфту за качественный продукт, старались повесить лапшу на уши и кривили душой, порой предавая самых близких друзей. И это были правила деловых и прочих взаимоотношений, получившие силу от понятий, основанных на власти денег.

– Удивительно, как ещё такое общество функционирует! – негодуя говорил дон Кристоаль. – Представим себе красные кровяные тельца в организме человека или животного! Их основное назначение – поставка кислорода от лёгких всем тканям и транспортировка двуокиси углерода в обратном направлении. Кое-что кровяные тельца и сами получают в процессе жизнедеятельности. Но главное – они обеспечивают нормальное существование своего принцепала. Аркадий, вам понятно, о чём я говорю? – спросил он, прерывая монолог и поворачиваясь ко мне.

– Полагаю, что вы хотите сопоставить, сравнить деятельность кровяных телец с нравами и порядками Ольмаполя.

– Совершенно верно. Представим также, что в какой-то момент тельца эти переняли правила игры ольмапольцев, то есть пренебрегли бы своей основной функцией и полностью пере-

ключились на изымание полезных продуктов у своих собратьев для удовлетворения собственных корыстных интересов. У одних это происходило бы более успешно, у других – менее. Одни бы разрастались, становились крупнее, чем это предусмотрено природой, другие – хирели и умирали. Тогда и организм в целом стал бы задыхаться от нехватки кислорода, а в его кровеносных сосудах образовались бы тромбы от некоторой части непомерно разросшихся красных телец. В конечном счёте, наступила бы гибель и организма в целом, и этих самых телец в частности. Что-то подобное происходит в масштабах Ольмаполя. Если оставить всё как есть, то его ожидает смерть или, как минимум, гангрена и тяжёлый паралич на много лет вперёд.

Глава четвёртая. Чёрт или ангел?

Ночевали мы у меня в доме по улице Амбарной, что в посёлке Тихоновка, являвшемся пригородом Ольмаполя. Достался мне этот дом от тёти Нюси, случайно встреченной женщины преклонных лет.

Как сейчас помню тот пасмурный дождливый вечер, когда я помог ей дотащить тяжёлые сумки от автобусной остановки. В благодарность она пригласила меня к себе в дом, обсушила и напоила сладким горячим чаем со сдобной булочкой. Узнав же, что я сирота, бывший детдомовец и негде мне преклонить голову, предложила переночевать у неё в отдельной комнате.

Утром тётя Нюся накормила меня сытным завтраком и сказала, чтобы я не искал больше угла, а пожил у неё.

Так я и остался у доброй старушки. Помогал по хозяйству: вскапывал и мотыжил огород, конопатил пазы в стенах, подметал и мыл полы в доме, словом, выполнял всякую работу, какую находил.

– С тобой мне хорошо, – приговаривала она, – есть хоть с кем словом перемолвиться – одну-то стены едят.

В огородных делах я фактически ничего не смыслил, но здесь мне здорово помогал сосед Иван Степаныч, старик лет шестидесяти, только что вышедший на пенсию. Он подсказывал и как правильно лук-севок сажать, и как помидоры окучивать и подвязывать, и как удобрять землю золой и компостом, и много чему ещё учил.

– Слушай меня, Аркаша, да больше спрашивай, – говорил он, – и всё у тебя будет лучше некуда. А от хозяйки твоей какой толк!? Она своё уже отработала.

Только после того, как тёти Нюси не стало, узнал я, что свой дом она завещала мне. Так у меня появилось древнее, но вполне крепкое жилище.

Дон Кристоаль поместился в задней комнате, которую когда-то занимал я, и ночные часы проводил на стареньком диване между простенком и одёжным шкафом. Впрочем, он мало спал, а может быть, не спал вовсе. Мне всё казалось, что по ночам его фантом отправляется в полёты над городом, продолжая вникать в особенности нашей брэнной ольмапольской жизни.

Подтверждением тому служит хотя бы тот факт, что однажды он завёл разговор о квартире, которую мне выделили вскоре после совершеннолетия. Известно ведь, что по достижении восемнадцатилетнего возраста воспитанник детского дома должен покинуть сиротское заведение и местная власть по закону обязана выделить ему пригодное жилище.

Выделили и мне. Получив «заветный» ордер, я отправился в фавелы по указанному адресу, где и обнаружил стандартный шестнадцатиквартирный «клопчатник», в котором проживал разный малоимущий люд.

Комната моя была угловой на первом этаже. Дверь в неё висела на одной петле. В окне отсутствовала нижняя половина стёкол. Потолок провис и держался на подпорке. Штукатурка на стенах обсыпалась, тут и там виднелась обрешётка, а в одном месте зияла сквозная дыра, через которую можно было просунуть руку.

Дело шло к зиме, на улицах лужи уже полностью вымерзли, а единственная батарея с разбитыми секциями валялась под окном на полу. Все четыре угла темнели испражнениями – местные обитатели использовали выделенные мне апартаменты как общественный туалет. Разве мог я обустроиться здесь, когда у меня не было ни денег на ремонт, ни достаточного жизненного и мастерского опыта?!

Если бы я в нынешнем возрасте оказался в той квартире, то, конечно, мне хватило бы ума и сноровки подготовить её к зиме.

Окно с двух сторон я заделал бы плотным картоном. Стены тоже обшил бы тем же материалом – его полно кругом и возле рынков, и во дворах продовольственных и хозяйственных

магазинов. Осталось бы только для большего тепла отгородить угол и установить в нём буржуйку из толстой жести с выводом трубы в оконный проём. Дрова и разный хлам для истопки – тоже не проблема. Ну и пару стоек ещё поставил бы под потолок, чтобы соседи сверху не обрушились и не задавили. А после зимы можно было бы привести жилище в полный порядок.

Но это я сейчас бы так сделал, тогда же, вернувшись в кабинет по распределению жилплощади, я положил ордер на стол чиновнику, вручившему его мне, и пожелал этому господину остаток дней провести в подобной конуре.

– Ах ты, гадёныш! – воскликнул человек, выскакивая из-за стола. Разговор наш проходил без свидетелей, и меня можно было оскорблять по-всякому. – Ах ты, тварь горбатая! Ему квартиру, а он нос воротит. Нет тогда тебе ничего! Будешь жаться в каком-нибудь подвале, пока не сдохнешь! Вон отсюда, чтобы духу твоего не было! Сейчас вот вызову полицию, ты у меня так закукарекаешь!

Очень мне хотелось в тот момент звездануть ему промеж глаз, чтобы с копыт слетел, но, слава богу, удержался.

Несколько позже я узнал, что эту берложку выделяли ещё несколькими бездомным и до, и после меня.

– Ну-с, молодой человек, и каково ваше мнение о порядке распределения жилья в вашем славном Ольямополе? – спросил, усмехаясь, дон Кристоаль.

– Зачем вы спрашиваете?! – вскричал я, уязвлённый упоминанием об этой норе. – Вы же читаете мысли других и знаете, чем набита моя голова.

– Да уж, знаю. И видел кое-что непосредственно на месте. Но ничего, нет худа без добра – зато сейчас вы обретаетесь в тёплом доме, под надёжной крышей над головой. А попутно получили более полное представление о чиновном мире. Что вы думаете о нём?

– Ничего хорошего.

– А в целом об ольямопольской власти?

– Она отвратительна. Поганая власть, как говаривал в «Тихом Доне» Григорий Мелехов.

– Для детдомовского воспитанника вы неплохо образованны и у вас уже имеется устоявшаяся точка зрения.

– Я много читал. И общался с крайне осведомлёнными людьми. Я живу под гнётом этой власти и на своей шкуре испытываю её подлый характер.

– И вы хотели бы изменить существующее положение вещей, – сказал испанец уже утвердительно, и опять же с долей усмешки.

– Больше всего на свете. Да что вы об этом! Вы же, говорю, всё знаете!

– Во-первых, не всё. Во-вторых, мне хотелось лишний раз убедиться – не ошибаюсь ли я?

Одним из любимейших занятий дона Кристоаля были пешие прогулки по улицам города.

– Когда прохаживаешься так, – говорил он, – то как бы проникаешься чувствами и настроениями пешеходов, настраиваешься на их мозговые импульсы, несущие в себе электромагнитные флюксоиды.

– Ну и как они вам?

– Что именно?

– Ну, эти... импульсы.

– Они указывают на плохое душевное состояние обитателей города. В значительной степени люди разобщены, замкнуты, враждебно настроены друг к другу и нередко готовы к агрессивным действиям. Опасный, очень опасный настрой. Причём заряды агрессии продолжают накапливаться. Это может закончиться взрывом, бунтом – бессмысленным и беспощадным.

Обычно эти прогулки были ничем не примечательны, но однажды дон Кристоаль показал себя во всей красе.

Мы шли по Тенистой улице, и я сказал ему, мол, раз ваше общество в параллельном пространстве в своём развитии ушло далеко вперёд, значит, оно обладает большей и более достоверной информацией. Так вот, как там у вас считается, есть Бог на белом свете или нет?

– А вы, молодой человек, что думаете по поводу существования этой высшей инстанции?

– Не знаю. Иногда мне кажется, что Он есть и всё сплошь и рядом создано по Его воле, а другой раз... Особенно, когда вижу безобразия, творящиеся кругом.

– Ну хорошо. Как в Библии сказано: Бог создал человека по образу и подобию Своему. Так ведь?

– Именно так, – подтвердил я. К тому времени я был знаком и с Ветхим, и Новым Заветом.

– По образу и подобию – не означает, что Бог выглядит как обычный рядовой человек. В этом-то в параллельной реальности убедились. Однако и параллельное общество тоже не многое знает о нём. Одно только и вам, и нам точно известно – это то, что Бог велик и всемогущ. Однако, насколько всемогущ?

Дон Кристоаль проводил мефистофельским взглядом роскошный лимузин со златовласой дамой за рулём, выглядевшей правительницей великого государства.

– Вам хорошо известно, каково строение атома. Это ядро, вокруг которого вращаются электроны. Подобным образом устроена и солнечная система. В центре ядро, то есть Солнце, а вокруг него вращаются планеты, тоже как бы своего рода электроны. Вот, в нашем разумении, какова разница в силе и возможностях у человека и Бога! Возможности человека, условно говоря, – на уровне атома, а возможности Бога – на уровне Солнечной системы. Как написано в Новом Завете, возлюби Господа Бога всем сердцем своим, всею душою своею, всем разумением своим. Вот так мы о нём и разумеем. А полного представления о Создателе не дано получить никому из разумных существ, созданных им. Ибо тогда они должны были бы сравняться с самим Творцом, но для этого у них кишка очень и очень даже тонка.

Мой собеседник заглянул мне в глаза, словно проверяя, насколько до меня дошли его слова, но я-то ни на секунду не забывал, что ему известны все мои мысли, даже самые задние.

– И вот, посудите, Аркадий, – если уж обычный землянин может свершить очень многое, разумеется, при соответствующей подготовке, которая может занять долгие годы, а то и всю жизнь, то на что тогда способен Сам Господь Бог? О возможностях подготовленного, продвинутого человека и вы немало знаете...

– Конечно, знаю. Например, Индра Деви, индийский йог русского происхождения, описывала случай, когда в её присутствии один ещё более подготовленный йог протянул руку, и... на его раскрытой ладони появился необработанный алмаз. И это чудо случилось всего лишь под воздействием мысли и энергетики человека.

Пока я произносил эту фразу, дон Кристоаль выставил перед собой руку, и на ладони его засверкал алмаз чистейшей воды. Что это именно камень, а не фальшивка, он подтвердил тут же, проведя остриём его по осколку стекла; на гладкой поблескивающей стекольной поверхности образовалась заметная белесая борозда.

– Вспомним теперь американца латышского происхождения! – продолжал я перечислять общеизвестные факты. – Того самого америкоса, который с целью строительства мысленным усилием заставлял перемещаться огромные камни, причём быстро и на значительные расстояния! Об этом рассказывали по телевизору. И показывали построенные объекты...

Я ещё не досказал до конца, а испанец мановением руки уже переместил автомобиль, какой-то «мерседес-бенц», стоявший впереди нас возле тротуара, на противоположную обочину дороги, а затем поднял его высоко в небо и опустил на крышу шестнадцатизэтажного дома.

– Что вы сделали!? – закричал я, взбудораженный фееричным зрелищем. – Как же хозяин спустит его оттуда?

– Э, не берите в голову, кабальеро, – небрежно бросил дон Кристоаль. – Этот «мерс» угнали сегодня утром в соседнем городе. Двое молодчиков, специализирующихся на таких угонах. Они в гастронOME берут выпивку – обмыть удачно спроворенное дельце. Сейчас прибегут. А вот и они – легки на помине!

При последних его словах из магазина вышли двое молодых людей с пакетами в руках. Увидев, что машины и след простыл, они встали как вкопанные, оторопело вытаращив глаза, потом бросились туда, сюда, и подбежали к нам.

– Вы не заметили?..

– Заметили, – отозвался испанец.

– Куда...

– Вон туда. – Мой спутник показал на крышу многоэтажки.

– О чёрт, да как же так?!

– Пойдёмте, Аркадий, – сказал дон Кристоаль, ухватывая меня за локоть. – Продолжим наш путь.

– Вероятно, – сказал я, оглядываясь на «мерс» и похитителей, – угонщики теперь отступят от автомобиля.

– Отступятся.

– Но для настоящего хозяина тоже будет немалой проблемой снять автомобиль с высоты.

– Не тужите об этом. «Настоящий хозяин», как вы выразились, ещё больший вор. Эти двое перед ним – сама невинность. «Настоящий хозяин» машины – министр здравоохранения областного правительства, закупивший медицинское оборудование за сумму, впятеро превышавшую его истинную стоимость. Львиную долю переплаты он забрал себе в виде отката. На часть этих денег и приобретён новенький «мерс». Вдобавок к прежнему «Вольво». Тоже купленному на наворованное.

– О господи! – пробормотал я. – Какие только тёмные дела не творятся в нашей несчастной многострадальной России!

– А, не переживайте! – дон Кристоаль беспечно махнул рукой. – И это всё пройдёт, как говорил царь Соломон три тысячи лет тому назад. Пройдёт и быльём зарастёт и катавасия с повсеместным воровством. Вот увидите, помяните моё слово. Недолго ждать осталось.

– Между прочим, китайцы, – сказал я, возвращаясь к прерванной теме, – самые продвинутые из них, мысленным приказом умеют извлекать металлические предметы из наглухо запаянных стеклянных сосудов! А один израильтянин – Ури Геллер – способен усилием мозгового импульса гнуть и ломать металлические ложки и вновь запускать неисправные до того часы! Российские же экстрасенсы взмахом руки разгоняют облака!

Все перечисленные чудеса дон Кристоаль тут же повторял на практике, тем самым подтверждая достоверность моих слов. На старинной пожарной каланче, мимо которой мы проходили, запускались и начинали бить часы с неисправным механизмом, стоявшие до этого год или полтора. С витрины ювелирного магазина россыпью вывалилась на тротуар, а потом возвратилась на прежнее место грудa золотых изделий. Моросил дождь, но едва мой собеседник взглянул в высоту, как тучи разомкнулись и в просторном голубом окне засияло солнце.

– Исходя из всего изложенного, можно сделать вывод, что сначала действительно было слово, – подытожил я проведённые эксперименты. – Получается, что если человек усилием мысли способен гнуть ложки и изменять погоду, то Богу вполне по силам одним словом или двумя-тремя словами сотворить и Солнце, и Землю?! Он и сотворил, только не за несколько земных дней, а за другие, неизмеримо более протяжённые космические «дни». А заодно создал и галактику, в которую входит Солнечная система.

– Ну, в общем, так и есть, – подтвердил мой собеседник.

– А что представляет собой наша расширяющаяся Вселенная?

– Это как на неё посмотреть. Если с точки зрения Мироздания, то она является всего лишь живой клеткой, зародившейся и развивающейся, примерно, по той же схеме, по какой зарождаются и развиваются обычные земные клетки, входящие в состав того или иного организма.

– Но почему столько зла на Земле? Ведь Бог предполагает любовь и гармонию!

– Всё закономерно. Насколько незначительней человек перед Богом, настолько уступает он Ему и в плане гармонии и любви. Чем ничтожней гомо сапиенс в духовном плане...

– Ну а дьявол, сатана, – перебил я своего собеседника. – Существует ли он?

Дон Кристоаль сардонически улыбнулся, и мне показалось, что у него самого в глазах засверкали дьявольские огоньки.

– Под словом сатана имеется в виду Люцифер, падший ангел, то есть недавний, по космическим меркам, сподвижник Господа. Если есть свет, то должна быть и тень. Ангел этот – лишь тень Бога, которая полезна и без которой невозможно обойтись. При этом не надо списывать на Люцифера всякие безобразия, творящиеся в человеческом сообществе. Он слишком много знает, и достаточно был рядом с Богом, чтобы опуститься до подобных мерзостей. И слишком горд, чтобы запятнать себя каким-то низким поступком. Нет, всякие бедствия и несчастия, войны, эпидемии, разные кризисы происходят прежде всего по вине самого человека. В частности, из-за узости мышления и неспособности видеть дальше собственного носа. Или из-за подлости характера.

– Значит, никаких чертей не существует, и эти твари – просто вымысел невежественных церковников?

Мне хотелось довести эту тему до конца и выяснить абсолютно всё.

– А вот в этом, дорогой амиго, – возразил дон Кристоаль, – вы глубоко заблуждаетесь. Роль не Люцифера, а чертей вполне могут выполнять разные дефектные энергетические сущности, оставшиеся от подлецов и иных сволочей, сумевшие материализоваться. Под этот образ можно подвести, между прочим, разумных пришельцев, враждебно настроенных против человечества и совершающих против него те или иные агрессивные действия.

От этих его слов у меня мурашки побежали по спине, и я невольно окинул взглядом нескончаемые вереницы людей, двигавшиеся по обеим сторонам улицы, словно рассчитывая увидеть в них фигуру какого-нибудь беса. Я даже подумал, не относится ли к этой братии и сам дон Кристоаль?

– Нет, я не бес, – сказал мой спутник и рассмеялся. – Ведь я пришёл совершать, в общем-то, добрые дела, а не злые.

Кровь бросилась мне в лицо. Чёрт побери, на какое-то мгновение я упустил из виду, что мой спутник читает мысли своих собеседников!

– Не корите себя, Аркадий, – тут же отозвался испанец. – Хоть я и не падший ангел, но тоже достаточно знаю и понимаю, чтобы обижаться на подобные пустяки.

Мне ничего не осталось, кроме как сконфуженно улыбнуться.

– А скажите, – спросил я немного погодя, – кроме нашего Бога, существуют ли другие подобные, равные Ему божества?

– Не знаю. И никто не знает даже в том, параллельном мире, откуда я прибыл. Но давайте порассуждаем. Раз Пространство бесконечно, то что может помешать в неизмеримом далёко существовать и действовать и другим богам? Разве нашему Господу Богу или, иными словами, Космическому Разуму интересно общаться только с нами, беспредельно убогими по сравнению с Ним, особенно с учётом наших бесконечных распрей и прочей грязной мышины возни на планетарном пространстве? Мне лично представляется, что Ему куда продуктивнее и во всех отношениях полезнее вступать в контакт с равными Себе.

– Но откуда же тогда появился наш Бог и другие сущности, подобные Ему по масштабам и возможностям?

– Не знаю.

– Если исходить из вашей логики, – я позволил себе говорить утвердительным тоном, – то можно предположить, что нашего Господа Бога, Его товарищей и их цивилизацию создал ещё кто-то, гораздо более могущественный и великий. А более могущественных и великих – создали в триллион триллионов раз более великие. А тех – совсем уж величайшие из величайших. И так далее. Получается нечто вроде бесконечной матрёшки, только в усложнённом варианте. Если углубляться во всё это, то в конце концов можно и свихнуться. Чтобы охватить огромность, многообразие и величие бесконечного Мироздания, моих мозгов явно недостаточно. Даже сейчас меня начинает подташнивать – явный признак, что я ухватился за тему, непосильную моему рассудку.

Испанец скользнул по мне хитрым и мудрым взглядом и улыбнулся.

– Знаете, Аркадий, можно иногда поразмышлять о Боге, но всё-таки разумней обратиться на самих себя. Познайте себя как личность, как отдельную субстанцию, и вы во многом преуспеете, включая и богопознание.

На этом наша прогулка закончилась, и мы вернулись к себе на Амбарную.

В другой раз я завёл речь об обществе, откуда этот человек прибыл. Я назвал его человеком, хотя в течение довольно значительного периода знакомства с ним я так и понял кто он на самом деле: ангел или дьявол, или просто личность, обладающая сверхспособностями.

– А скажите, дон Кристоаль, благодаря чему ваше запараллелье ушло так далеко вперёд по сравнению с нами, обычными землянами? Ведь раз мы зеркальное отражение друг друга, то нам должно бы шагать в ногу!

– Благодаря духовному развитию, высочайшей нравственности. Давно уже, тысячу лет, у нас нет войн, исчезли мошенничество, хищения, злоба, зависть, пьянство, разврат и всё остальное порочное, что процветает в вашем аморальном мире. Увы, у вас, практически, те же нравы, что у древних римлян. Вспомните: худшие римляне убили самого лучшего и дальновидного на то время – Гая Юлия Цезаря – и тем самым усугубили ситуацию в государстве. В конце концов, дурные нравы похоронили то далёкое общество, и вы погубите себя, если не изменитесь. Но там не было таких хищений, потому к своей гибели они шли сравнительно медленно, веками. А вас повсеместная продажность может изничтожить уже в ближайшие десятилетия.

Мне запали эти его слова, и я долго размышлял над ними. В то же время у меня никак не выходило из головы, почему дон Кристоаль с таким удовольствием опрокидывает рюмку другую? Почему он употребляет, если с пьянством у них полностью покончено?

Глава пятая. Пожар

На пятый день нашего знакомства, вечером, в первых сумерках, когда мы, вернувшись из города, прилегли перед тем, как поставить самовар и напиться чаю с вишнёвым вареньем моего собственного изготовления – у меня огороде росло несколько кустов вишни, и часть урожая я пускал на варенье и компот, а ещё сколько-то просто сушил, – дон Кристоаль вдруг насторожился, поднялся с дивана и сказал:

– Сюда выезжает группа ОМОНа, шестнадцать человек, на трёх автомобилях. Через несколько минут они придут и окружают дом. Нам ни к чему лишние встречи с боевыми представителями власти, поэтому – уходим.

– Откуда вы знаете про ОМОН?

– Знаю. Поторопитесь, мой друг.

Признаться, испанец обеспокоил меня. Какие-то секунды я блуждал взглядом по стенам и по чашкам, расставленным на кухонном столе. У меня не укладывалось в голове: как это так – это моё жилище и вдруг оставлять его на произволение чужих людей!

– Ничего не поделаешь, Аркадий, – сказал испанец. – Если вы останетесь здесь, то подвергнете свою жизнь большой опасности.

Мы быстро ушли, миновали наш квартал и едва нырнули в ближайший переулок и укрылись за деревом, как с обеих сторон в улицу въехали спецмашины с неработающими мигалками. Но их было только две.

– Третья остановилась на соседней улице, за задворками вашего дома, – глухо проговорил дон Кристоаль, опережая мой вопрос. – Оттуда пять человек пройдут огородами.

– Но для чего они приехали, что я такого сделал?

– Разве вы поглупели? Вспомните «Золотого дракона», где некий молодой человек посмел поднять руку на друзей сына городского главы! Подобные проступки не прощаются. Таковы нравы вашего современного общества, и вам это хорошо известно. Приплюсуйте сюда же каталажку, самовольно покинутую нами.

– Ни на кого я руку не поднимал. И пальцем никого не тронул. А из каталажки...

– Попробуйте объяснить всё это блюстителям порядка. Вон они, уже перемахнули через изгородь. Ага, никак поднимаются на крылец.

Между тем сумерки ещё сгустились, и под сенью уличных вишнёвых насаждений, густо темневших вдоль разбитых тротуаров, проросших травой, мы приблизились на расстояние, откуда было хорошо видно. За окнами осаждённого жилища зажёгся электрический свет, замелькали тени человеческих фигур.

– Никого нет! – раздалось из сумрачной мглы. – Но они только что были здесь. На столе чашки с самоваром, закуски – видимо, собирались чаёвничать. Надо осмотреть вокруг и перекрыть улицы и переулки. Вызовите подкрепление.

Отомкнув ближнюю калитку, мы проникли на подворье одного глухого старика на противоположном порядке и продолжили наблюдение оттуда.

А в темноте зазвучали новые голоса. Привлечённые необычным зрелищем, на улицу выходили встревоженные жители окрестных домов.

– Что вы делаете? – доносилось до нас. – Чем помешал вам этот парень? Безобидный, живёт, никого не трогает.

– Разойдитесь, граждане, не мешайте! – произнёс в мегафон человек в штатском, находившийся возле машин. – В тихом озере черти водятся; «безобидный» парень, как вы говорите, – опасный преступник.

– Нечем им заняться! – это уже голос моего соседа, Ивана Степановича. – Кругом банды преступников шуруют всюду, а они простых граждан доканывают!

– Ты поговори ещё, дед, поговори! Мы тебе быстро язык-то прищемим!

– Не связывайся с ними, Степаныч! – тут же донеслось из ночи. – Эти хуже бандитов будут. Тем ты можешь сопротивляться, а этим – не имеешь права.

Прошло ещё немного времени. Полицейские, орудовавшие внутри жилья, вышли наружу, почти сразу же за окнами что-то вспыхнуло, раздался громкий хлопок, послышался звон разбитых стёкол, и из оконных проёмов вырвались языки пламени.

– Вот негодяи! – крикнул человек в штатском, продолжавший оставаться возле автомобилей и отдававший распоряжения по рации. – Преступники оставили взрывное устройство и чуть не погубили моих людей!

Огонь отчаяния словно опалил мой разум. Я рванул к калитке, но дон Кристобаль крепко ухватил меня за руку.

– Куда, стойте! – холодно прошептал он.

– Пожар, горит!

– Ничем нельзя помочь! Стойте и смотрите.

Сердце моё разрывалось при виде гибнущего жилья, и слёзы наворачивались на глаза. Я лишился единственного своего прибежища.

Спустя ещё минуту послышался вой сирен, и на Амбарную прибыло несколько пожарных машин. В свете фар и отблесках огненного вулкана замелькали люди в касках и брезентовой спецодежде; размотав рукава, они принялись поливать водой стены и крыши соседних домов.

– Как быстро они прибыли, – прошептал я, завороченный бушующим пламенем. Языки его с гулом и треском вздымались вверх, летели искры и горящие «галки». Слава богу, было полное безветрие, и моих соседей пожарники оттаивали без особых затруднений.

– Их вызвали ещё до начала пожара, – отозвался дон Кристобаль. – Потому они так быстро и прикатили. Вызвал человек в гражданской одежде.

– Но почему они не тушат сам пожар?

– Не для того поджигали, чтобы тушить.

Лишь после того, как крыша строения стала проваливаться, брандспойты были направлены на пылающие стены.

– Пойдёмте, друг мой, – проговорил испанец. – Больше нам здесь делать нечего.

– Куда мы теперь? – спросил я, когда Амбарная и вся Тихоновка остались у нас за спиной.

– В гостиницу «Ольмаполь», там мы снимем номер на двоих.

– Но меня сразу узнают.

– Не узнают. Я позаботился об этом. Все преследователи уже забыли о вашем существовании. Поверьте на слово.

– Однако ловко. Как это у вас получа...

– Ничего особенного в этом нет, – сказал мой спутник, не дав мне договорить. – Для представителей параллельной среды обитания решать подобные проблемы не сложнее, чем дышать воздухом.

– «Ольмаполь» как раз напротив городской мэрии.

– Вот и хорошо, там уж точно нас искать никто не будет.

Оформив двухкомнатный роскошный, на мой взгляд, номер, выходивший окнами на Ольминское поле и возвышавшееся за ним главное административное здание, мы поужинали и со многими удобствами расположились на ночлег.

Уютная обстановка и вкусная сытная еда мало-помалу начали приводить меня в состояние некоего успокоения. Вместе с тем перед глазами продолжали мелькать всполохи пожара, и душа не переставала болеть от потери родной обители. Рядом с болью тлело и неугасимое желание отмщения за причинённое мне зло.

Глава шестая. Цирковое представление

– А давайте, мой друг, немного всколыхнём болото под названием Ольмаполь, – сказал испанец утром перед тем, как позавтракать говяжьими сардельками с кусочками обжаренного картофеля, принесёнными в номер. Это блюдо нам предстояло запить весьма приятным на вкус подсолённым калмыцким чаем с молоком.

– Каким образом?

– Устроим представление в городском Дворце культуры.

– Какое ещё представление? Концерт, что ли?

Если откровенно, мне было не до концерта. Я всё ещё был морально подавлен: перед глазами стояли обугленные останки моего жилища.

В тот момент мне было невдомёк, что пока тело дона Кристобаля отдыхало в сонном забвении на соседней койке в трёх метрах от меня, невидимый фантом его летал над ночным Ольмаполем, посещая злачные места, где развлекалась местная золотая молодёжь.

Ему и до этого доводилось бывать в самых дорогих ресторанах, элитных клубах и на шикарных презентациях. Внимательно, очень внимательно отслеживал он поведение юных отпрысков наших высших чиновников, наиболее состоятельных предпринимателей и выдающихся представителей откровенно преступного мира.

В минувшую же ночь его поразили сцены в знаменитом клубе «Гелиодор», где проводили время слегка подпитые и обкуренные ребятёнки. Когда дело дошло до прилюдного раздевания, а затем и группового секса на конкурсных условиях с выявлением победителя, то даже молчаливый энергетический фантом не выдержал и окончательно возмутился.

– Такого не должно быть в природе! – немо воскликнул он. – Большинство животных – и те стараются уединиться при спаривании! Это сквернее пира во время чумы, это... В общем, это немыслимый стыд и срам!

И у него возникла мысль о том, чтобы вывести эту часть молодого племени на чистую воду.

– Попробуем воссоздать действие, – сказал дон Кристоаль, отвечая на мой вопрос о представлении, – некогда состряпанное Воландом и его командой. Помните оторванную голову конферансье и прочее?

– Вы это всерьёз?

– Совершенно. Хотелось бы взглянуть на золотую молодёжь в её, так сказать, чистом виде. Ведь, как я понимаю, это к ней должны перейти бразды правления после того, как нынешнее поколение власть предержащих сойдёт со сцены! Потому не мешает составить абсолютно чёткое мнение об упомянутом «золоте», и что от него можно ожидать в перспективе.

– Из вашей затеи ничего не выйдет. «Мастера и Маргариту» читал каждый. Вас тут же разоблачат.

– А вот в этом я сомневаюсь. Читали далеко не все. Молодняк, о котором идёт речь, по сути, необразован и тёмен, как пивная бутылка, – в первую очередь, в нравственном плане. Это во-первых. Во-вторых, почему бы нам просто не похулиганить и не поставить пробу на этом «золотишке», а правильное сказать – почему бы не поставить на нём тавро, не заклеить его?!

В тот же день на уличных стендах появились яркие афиши о предстоящей феерии зарубежных циркачей. Что выступят маги и иллюзионисты, будут показаны дикие африканские и южноамериканские звери, а также доисторические ящеры в живом виде; покажут себя и клоуны, и гимнасты, а зрителей по завершении действия одарят уникальнейшими фантастическими подарками. А внизу афиши была указана баснословная стоимость билетов.

В газетах объявления целиком занимали первую страницу.

– Никто за такие цены в ваш цирк не пойдёт, – сказал я испанцу, когда мы встретились вновь. – Потому что ни у кого таких денег не имеется.

– Пойдут, дорогой мой, – ответил старший товарищ. – О количестве денег в чужих кошельках вы судите по наличности в ваших дырявых карманах. А денежки у людей водятся, и очень даже немалые, такие, какие вам и не снились. Поверьте, они побегут на представление толпами. Там-то мы их и встретим.

– А какую роль вы отводите бедному погорельцу?

– Он будет ассистировать.

– Кому, вам?

– Мне.

– Но я же ничего не умею!

– Даю голову на отсечение, что и на этот раз у вас всё получится.

Большая часть рекламного времени на телеканалах опять-таки была отдана предстоящему бенефису дона Кристобалья.

Он и сам участвовал в рекламных роликах, с удовольствием позируя перед видеокамерой и охотно отвечая на вопросы ведущих. При этом у него то вырывалось пламя изо рта, то валили клубы красно-сине-зелёного дыма из носа и ушей, а сам он то и дело превращался или в говорящего гиппопотама, или в осла, или в крокодила Гену.

Ведущие передачи смеялись и ахали при виде таких превращений, шарахались от своего собеседника и норовили убежать из телестудии, когда он оборачивался злобной рычащей пантерой или могучим когтистым медведем-гризли. У них самих или вырастали огромные ослиные уши, или тоже дым валил из ушей, а то и рога начинали стремительно вздыматься прямо на лбу. При всём при этом ведущие ничего не замечали и продолжали умно, с «пониманием» ситуации улыбаться или задавать серьёзные вопросы, выглядя совершенно по-идиотски.

Как подобным видеороликам разрешали появляться на экранах, можно было только догадываться. Причём прогоняли их целую неделю, пока шла подготовка к цирковому шоу. В одном не сомневаюсь – тут была задействована коварная рука всё того же испанца, каким-то непостижимым образом повально загипнотизировавшего всех телевизионщиков. Возможно, он просто шибко хорошо заплатил – в Ольмаполе деньги решали очень и очень многое.

Пересуды о заграничном иллюзионисте велись на каждом углу, и мой амиго был прав, утверждая, что охотников посетить готовящееся действо найдётся немало. Несмотря на бешеные цены, билеты почти полностью были раскуплены уже в первые четыре дня. Короче, ожидался полный аншлаг.

К назначенному часу на просторной площадке перед Дворцом культуры начали скапливаться многочисленные навороченные иномарки, доставлявшие владельцев дорогих билетов. Большею частью это была та самая «золотая» молодёжь – наследница престола, прибывавшая группами и поодиночке. Лишь, примерно, десятую часть составляли дамы и господа зрелого возраста. Никто не приехал на такси или маршрутке.

Все четыре местных телеканала вели прямую трансляцию с места необычного события, норовя выхватить между публики представителей наивысшей знати. После этого телевизионщики перебрались внутрь здания и со специально отведённых мест начали снимать то, что происходило непосредственно во Дворце – на сцене и в зале. Поэтому город видел происходившие чудеса во всех подробностях.

Тысячный зал был заполнен до отказа. Объявленное шоу началось минуту в минуту. Не буду подробно описывать, как оно проходило. Скажу только, что представление, устроенное помощниками Воланда, нашей визуализации и в подмётки не годилось.

На сцене появлялись цирковые гимнасты и клоуны, откалывавшие такие номера, какие, уверен, на протяжении последних нескольких столетий нигде и никому наблюдать не доводи-

лось. Затем их сменяли необыкновенные невиданные звери наподобие саблезубых тигров и многотонных тираннозавров, охотившихся друг на друга.

Тут же на сцене более сильный и ловкий хищник запускал острые длинные клыки в горло менее удачливого собрата. По залу прокатывался страшный неистовый рёв, исторгаемый звериными горлами, слышался стук сокрушительных ударов когтей и хвостов, сухой треск ломающихся позвоночников и жуткое волглое возжание раздираемой плоти; растекались огромные лужи крови, и до самых отдалённых уголков галёрки доходил тревожащий парной запах. Именно тревожащий – не случайно стадо коров впадает в бешенство, едва почует дух текучей алой материи, покидающей разверстые вены их сестёр.

И много было ещё чего; за одним номером немедленно следовал другой, не менее захватывающий.

Я сам был непосредственным участником нескольких из них. Ездил на велосипеде по потолку и просто шагал по нему вдоль и поперёк или по всему верхнему периметру зала. Затем, обретя временную способность к левитации, пролетал в какой-нибудь паре метров над головами зрителей и пачками разбрасывал стодолларовые ассигнации Соединённых Штатов и тысячные – банка России.

Многие, очень многие упрятывали в карманы денежные знаки, сваливавшиеся прямо в руки, но никто не побежал в буфет покупать что-либо. Здешняя публика, в отличие от булгаковской, была более чем пресыщена жизнью, не знала счёта деньгам и ей было лень подняться из кресла и покушать на дармовщину.

После антракта дон Кристоаль непонятно зачем и совершенно не в кон с неудержимым восторгом вдруг принялся расхваливать устроенное им лицедейство, подчёркивая эффективность и необычность того или иного номера. Но и этого ему показалось мало, и он обратился ко мне за поддержкой. Я без всяких околичностей ответил, повернувшись к зрителям, что оно не несёт в себе здорового нравственного начала, что сцены, когда звери поедают друг друга, а также разбрасывание денег омерзительны и способны только ещё больше развратить присутствующих, которые в большинстве своём и так не очень хороши.

– Согласны ли вы с нашим недорослем? – громовым голосом крикнул испанец, так же обращаясь к залу.

– Нет, нет, не согласны! – донеслось из рядов. – Он негодяй, и сам не знает, что говорит!

– Значит, он лжёт?

– Конечно, конечно, лжёт!

– А что следовало бы сделать с лжецом?

– Да открутить ему голову, и дело с концом!

Дон Кристоаль приблизился ко мне – глаза его горели зловещим дьявольским огнём, – схватил за голову и на два счёта открутил её.

Признаться, я не почувствовал боли, меня только шокировало, что на такое способен человек, которого я начал было считать своим другом. Я смотрел на него широко распахнутыми немигающими глазами, и такими они оставались до конца представляемого номера.

Оторвав мне голову, он схватил её за волосы, размахнулся и швырнул в зал, далеко в промежуток между рядами стульев. Голова глухо ударилась о пол, покрытый светло-лазурным, под цвет морской волны, половиком, и покатилась дальше по проходу, оставляя многочисленные убывающие следы крови.

– О, ассистент! – возопил испанец, простирая руки. – Что вы можете сказать о моём поступке!

– Только то, – прошептал я в наступившей мёртвой тишине; шёпот опять-таки разнёсся по всему залу, – что он предательский. Вероломство – самое подлое дело, презираемое всем родом человеческим. На него способны только выродки, наихудшие отбросы общества гомо сапиенса.

– Выходит, я подлец, выродок, наихудший в этом зале! – прогремел дон Кристобаль, и его голос эхом пронёсся по каждому закоулку здания и вырвался далеко на улицу, отчего непосвящённые прохожие недоумённо останавливались на полушаге. Великий актёр прошествовал по сцене, топая по кровавым лужам, оставшимся после гибели зверей, и разбрызгивая красные капли.

Многочисленный зал привык видеть бесконечную резню и кровь на экранах телевизоров, в фильмах и разных игровых ужастиках. Но сейчас действие происходило наяву, и человека убили страшным изуверским способом. Можно было сосчитать не один десяток зрителей, которые были потрясены до глубины души и закрывали глаза, чтобы не видеть этот ужас. К сожалению, ещё больше было тех, которые предпочли досмотреть до конца, чтобы вполне насладиться фортелем, отмоченным главным организатором циркового представления.

Не ограничившись содеянным, испанец оторвал от моего туловища одну руку, затем другую и поочерёдно отправил в тот же проход. Затем, хлебнув крови, хлеставшей из зияющей шейной раны, схватил остатки тела за ноги, раскачал из стороны в сторону и пустил следом. Туловище шмякнулось рядом с головой.

Зал онемел. Никто не мог или не смел сдвинуться с места. То, что творил на сцене распоясавшийся демон, превосходило самое уродливое воображение.

– Ну-с, вы довольны? – снова возопил испанец, ощерив окровавленную огнедышащую пасть. – Теперь не жалеете, что ухнули такие деньжищи на этот презренный сеанс!?

Зрители продолжали хранить немое молчание. Несомненно, все были потрясены и напуганы. Не прозвучало ни слова критики из страха навлечь на себя ещё больший гнев непредсказуемого артиста.

Дон Кристобаль взмахнул рукой, и отдельные части моего тела вновь как бы ожили, зашевелились, поползли навстречу друг другу и соединились между собой в нужных местах в единое целое. Я встал, сделал несколько судорожных движений, избавляясь от неприятных ощущений, и как ни в чём не бывало направился к сцене.

Оказавшись рядом с великим чародеем, я повернулся к залу, послал воздушный поцелуй и чётко и громко произнёс:

– Браво! Аплодисменты, дамы и господа!

И зал взорвался бурей оваций.

После ещё нескольких сногшибательных номеров ведущий объявил:

– А сейчас заключительная, самая эпатажная эскапада. Вы, вероятно, читали в объявлениях, что после окончания представления присутствующих в зале наградят фантастически интересными подарками. Мы с моим ассистентом, – он показал на меня, – верны своему слову.

Дон Кристобаль окинул внимающий зал продолжительным оценивающим взглядом.

– Все присутствующие здесь, все, без исключения, богатые люди, практически ни в чём материально не нуждающиеся. Но мы хотели бы предложить такое, отчего даже вы не сможете отказаться.

Он подвёл меня к краю сцены.

– Взгляните на этого молодого человека. Видите, как он одет? Совершенно очевидно, что одет он кое-как, фактически, он просто прикрыл своё тело первым подвернувшимся под руки более-менее подходящим барахлом. Многие из вас думают, мол, уж я-то одет с большим вкусом. Но так ли это на самом деле? Давайте посмотрим, что может сделать с человеком правильно подобранное платье.

Испанец проводил меня за ширму, появившуюся вдруг в глубине сцены, щёлкнул пальцами, и в одно мгновение на мне оказался прекрасный чёрный костюм. На галстук засиял бриллиантовый зажим, обшлага белоснежной рубашки были застёгнуты бриллиантовыми запонками, а на среднем пальце правой руки вырос золотой перстень с вправленным в него продолговатым рубином.

В большом зеркале, неожиданно оказавшемся передо мной, я увидел не просто со вкусом одетого парня, а необыкновенной красоты принца из волшебной страны. Никогда, даже в самых сокровенных мечтах, не предполагал я, что могу выглядеть столь впечатляюще. Со мной произошло ещё большее превращение, чем с главным героем кинофильма «Господин 420», когда, избавив от затёртого пиджака, его облачили в то, что носили в те времена только самые великие из избранных, то есть первейшие судьи или раджи.

Дон Кристобаль еще раз подвёл меня к краю сцены, и по залу прокатился тонкий всплеск восторженных женских голосов.

– Ваши теперешние одеяния останутся при вас, – сладко проворковал чародей. – Мы аккуратно уложим их в специальные коробки, и любой желающий сможет забрать своё.

После нескольких минут нерешительности, публика по одному, по двое, затем густыми вереницами устремилась на сцену, которая мгновенно оказалась огороженной дополнительными большими ширмами – одна для женщин, другая для мужчин. Возле них уже всю хлопотали молодые обольстительные девицы с аккуратными полукруглыми грудками под воздушными почти прозрачными лифчиками и в мини юбках.

– Граждане ольмапольцы, что вы делаете, опомнитесь! – донёсся вдруг из кресел тонкий взволнованный голос. Я увидел одинокую напряжённую фигурку девушки. Это была Зина, дочь предпринимателя Тимошина, владельца «Мясного подворья». Предприятие это занималось изготовлением колбас, ветчины, корейки, буженины и других мясных изделий.

Мне довелось однажды видеть эту мамзель в открытом автомобиле, и один из прохожих назвал её имя.

Зинаида явилась на представление вместе со своим братом Леонидом. Сейчас он сидел рядом с сестрой – мрачный и безмолвный.

– Опомнитесь, граждане! – повторила девушка. Она привставала на цыпочки, словно из боязни, что мало кто заметит её. – Всё, что здесь происходит, одно к одному повторяет действие из «Мастера и Маргариты»! Сейчас вас оденут, а потом вы останетесь голыми. Не позорьте себя, товарищи!

– Тамбовский волк тебе товарищ! – хохотливо послышалось в ответ. – Заткнись, дура, без тебя знаем, что делаем!

Напомню, что представление во Дворце культуры снимали видеокамеры местных телеканалов. Поэтому каждый желающий, а таких, как выяснилось позже, оказалось абсолютное большинство, затаив дыхание, созерцал по телевизору всё в доскональности.

Короче, в течение непродолжительного времени вся публика, за исключением младших Тимошиных и двух-трёх десятков других участников зрелища, преимущественно среднего возраста, была переодета и блистала роскошными платьями и редкостными бриллиантами.

Наконец я объявил, что спектакль окончен, и, пожелав удачи, мы распрощались со зрителями.

Народ повалил к выходам, и когда все оказались под открытым небом, видеокамеры засняли, как одежда на золотой молодёжи вдруг растаяла и люди остались в чём мать родила. Поднялось много визгу в сопровождении улюлюканья и диких радостных воплей, преимущественно с противоположной стороны улицы, оказавшейся заполненной многочисленными прохожими.

Обнажённые девицы, дамы, юнцы и джентльмены, прикрывая детородные органы коробками со снятыми ранее облачениями, со всех ног пустились к автомобилям, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Но не успела голая толпа приблизиться к спасительным авто, как словно из-под земли навстречу выскочила не менее многочисленная ватага каких-то молодых ухарей с хлыстами в руках. Подобно казацкой лаве, с воем и свистом, угрожая физической расправой, сие нечестивое воинство погнало бедняжек в обратную сторону.

О-о, что тут началось!.. Были и слёзы, и истеричный хохот, и мольбы о пощаде. К счастью, несколько человек из obsługi Дворца культуры догадались распахнуть все двери по периметру здания, и обезумевшие люди за считанные секунды сумели скрыться в них от немыслимого позора.

Город, прильнувший к телеэкранам, заходился в хохоте, выл и катался по полу при виде столь необычной экстравагантной картины.

Что говорить, скандал получился грандиознейший.

– Для чего был устроен этот ужас? – спросил я у дон Кристобаля, когда автомобили всё же разъехались, и мы остались одни.

– Разве это ужас? – ответил он с какой-то нездоровой интонацией. – Это не более чем небольшая лёгкая разминка перед основными действиями, которые ожидают застоявшееся пиявочное болото под названием Ольмаполь! – и продолжил: – Нагая толпа, которую мы наблюдали, это ведь, мы уже говорили об этом, цвет нации, в скором времени она должна прийти на смену своим отцам, стоящим сейчас у руля власти! Вот все и увидели, что за персоны будут управлять городом уже завтра и можно ли от них ожидать чего-нибудь конструктивного. В несколько сфокусированном виде была лишь показана голая правда о порочности, духовной ущербности отпрысков власть имущих, а значит, и самой нынешней власти, только и всего.

Я не знал, что ему возразить. Сцены с участием раздетых людей были тошнотворны, и меня саднила мысль о непосредственной причастности к ним. Но и не признать справедливости слов испанца было невозможно.

– Пусть бы эта власть, – рассуждал тем временем мой амиго, – только жрала в три глотки, накручивала на себя немыслимые одеяния, покупала сверхдорогие автомобили и особняки и сходила с ума в придумывании всё новых, ещё более диковинных развлечений! Но она развращена до мозга костей, не способна грамотно руководить обществом, тормозит его развитие, и, если ничего не изменить, страна окончательно отстанет от остального мира. Вы, Аркадий, и сами это знаете.

Конечно, я знал. И не только я – все знали и кожей чувствовали, что власть растлена насквозь и ни к чему путному не приведёт.

– Да одна только зияющая пропасть между богатейшими и беднейшими слоями населения – уже тормоз! Одни не способны к эффективной деятельности из-за непомерной пресыщенности и незаконности приобретений. Другие не хотят производительно работать потому, что отсутствует достаточный материальный стимул. Возразите, если я неправ!

– Мне нечего оспаривать. Под вашими словами можно только подписаться... Но скажите, откуда взялось столько молодчиков с хлыстами? Тех, которые погнали зрителей от автомобилей?

– Это мои верные сподвижники. Они нам ещё понадобятся. Не думайте пока о них; сделав своё дело, эти ребята вернулись в места, где им и надлежит находиться до времени.

– Почему для искоренения дурных нравов и прочего негатива выбран именно Ольмаполь? – спросил я у дон Кристобаля в другой раз, дня через два или три. Все эти трое суток из головы у меня не выходило это чертячье цирковое шоу. – Разве на ваше запараллелье неблагоприятно действует он один? Во многих других местах нашей страны обстановка ничуть не лучше! Где-то не просто застой, а полное разложение общественных отношений.

Физиономия типа, маячившего передо мной, искажилась прямо-таки до неузнаваемости.

– Вы не правы! – сказал он с кривой ухмылкой. – Раз есть общество, значит, существуют и внутриобщественные отношения. Под полным разложением вы имеете в виду своеобразное применение общероссийских законов в угоду местным понятиям, которое встречается сплошь и рядом и которое можно охарактеризовать несколькими словами – феодализм в его наихудших вариантах.

– Пожалуй, так.

– Наконец-то дошло. А по поводу выбора Олмаполя... Представьте себе крупный необработанный алмаз в руках мастера-ювелира, занимающегося изготовлением бриллиантов, – сказал испанец. – Прежде чем приступить к гранению, ему надо расколоть этот драгоценный камень на несколько более мелких. При этом он не будет колотить по нему как попало. Сначала ему предстоит провести тщательные расчёты для нахождения нужной точки и ударить только по ней, а не где-нибудь в другом месте. И тогда опытный мастер получит два, три, четыре камешка достаточно правильной формы. Нечто подобное и с Олмаполем. Это та точка, на которую следует воздействовать, чтобы получить ожидаемый результат.

– И воздействие на точку аукнется...

– Не только по стране, но и по всей планетарной человеческой сфере, в том числе и параллельной.

Кстати сказать, от продажи билетов на то цирковое шоу, за вычетом затрат на рекламу, аренду зала и налога в пользу государства на руках у нас оказалось несколько миллионов рублей. Двадцать тысяч дон Кристоаль выдал мне на повседневные расходы, сколько-то, не очень много, взял себе, большую же часть отложил про запас на «производственные» нужды.

Глава седьмая. Мандариновый рай

С особым интересом мой испанец изучал саму почву, на которой поднималась и крепла «золотая» недоросль.

У меня же давно было собственное, подкреплённое многолетними наблюдениями и достаточным количеством фактов мнение об этой плодородной непаши, мирке, государстве в государстве, эдеме на земле – названий мандариновому раю, обособленному от остальной части жителей города, можно придумывать великое множество, и все они будут достаточно точны. Ибо этот рай так же многогранен, как и определения для него.

Конечно, основатели его, я имею в виду всё тех же чиновников, сиречь крапивное семя, были изрядно пополнены наиболее зажиточными из предпринимателей, а также различными людьми в погонах с крупными звёздами и легализованными и не очень лидерами организованной преступности. Словом, всеми, кто обладал властью, сидел на хлебных местах и располагал тугой мощной.

Внешними атрибутами представителей ольмапольской высшей касты, несомненно, были роскошные особняки и дорогие иномарки – «майбахи», «мерседесы», «роллс-ройсы», ретро-автомобили и прочие штукенции на колёсах. Ну а что за данным своеобразным фасадом таилось, непросто было представить даже при самой буйной фантазии.

Впрочем, таилось так много, что очень часто не вмещалось, то и дело выпирало наружу и становилось достоянием народной молвы. Здесь и всевозможные коттеджи, и дачи, и многочисленные квартиры как в Ольмаполе, так и в самой первопрестольной, виллы в Подмоскovie и на Черноморском побережье, опять же просторные квартиры, дома, замки и земельные участки в Великобритании, Австрии, Франции, Италии, Испании, Монако и других европейских странах.

Про счета в зарубежных банках и наличку в виде штабелей денежных купюр, золотых слитков и прочей «драгоценной мишуры» молва не очень распространялась потому, что до поры до времени этот пласт собственности оставался под покровом особой чрезвычайной секретности. Но только до поры.

Наши подьячие из кожи лезли, стремясь дотянуться до уровня своих московских коллег, и немалому числу это вполне удавалось.

Когда столичные функционеры приезжали комиссией для тех или иных проверок, их встречал такой радушный приём, такие роскошные изобильные застолья плюс всевозможные забавы на лоне природы или в специальных дворцах, что они только головой качали и разводили руками – с подобной пышностью им не доводилось сталкиваться ни у себя дома, ни за границей.

Да почему бы и не встретить достойно хороших гостей, коли есть чем и на что?!

Побывал у нас как-то проездом и Демидов, в те годы главный кремлёвский начальник. Собственно, непосредственно в Ольмаполь он не заглядывал, и получилось, что напрасно местные штатгалтеры почти месяц подновляли центральные дороги и белили бордюры.

Демидов на вертолётe приземлился в посёлке Новоказачково, что в тридцати километрах от города, видимо, с целью узнать, как у нас развивается сельское хозяйство. Ко дню его приезда там тоже всё красили и скоблили и среди прочего, какой только живности не привезли! Со всего региона собирали, даже верблюдов из областного зоопарка доставили, должно стать, хотели показать, как наше животноводство в гору идёт.

– Вам тут только бегемотов не хватает, – сказал тогда наивысший эпарх.

Не пойми зачем человек приезжал! Полюбоваться очередной потёмкинской деревней? Стоило ли, однако, за этим переться за тысячи километров?

Если же действительно хотелось воочию узнать, в каком состоянии село, то достаточно было приземлиться в соседней Петровке. Там к его приезду никто не готовился, и по старым неказистым домишкам и раскуроченным бывшим колхозным фермам и тракторным станам сразу бы всё и увидел.

Рассказывали, что прежде чем отбыть в Москву, Демидов сколько-то времени провёл в пансионате «Ольмятичи», в том самом, который на левом берегу Ольмы. Очевидцы говорили ещё, что для него организовали ловлю огромной белуги и будто он сам участвовал в процессе поимки.

И поймали ведь! Шестидесятилетнюю самку, старушку весом восемьсот килограммов и длиной около четырёх метров. Одна только икра в ней потянула на центнер с лишним.

Ой, что тут было! Сколько криков и поздравлений прозвучало в адрес главного ловца!

А уха какая знатная получилась! Жирная, наваристая, запах-то ветерком аж до другого берега реки доносило. Да как она хорошо пошла под охлаждённую хлебную самогоночку, собственноручно выгнанную знаменитым местным артистом и режиссёром, любимцем властей Кругловым, в ту пору владельцем «Ольмятичей»!

Все наелись: и Демидов, и его свита, и пансионная обслуга. Собакам и то хватило. И в Москву ещё сколько-то сот килограммов отправили.

К нам любили приезжать. Однажды прикатил замглавы демидовской администрации, некто Бычков. Сначала они с мэром города Федотовым где-то до пяти вечера один на один застольничали, какие-то вопросы государственной важности решали.

Потом человек, отвечавший за застолье, спрашивает, мол, какое блюдо желаете на завтрак?

– А что вы можете приготовить? – спросил Бычков.

– Всё, что пожелаете, – ответили ему.

– Всё?

– Всё.

– Ну так хочу, чтобы приготовили блюдо из судака. Да не из какой-нибудь тухлятины, а из живого, чтобы я видел, как он жабрами шевелит!

– Хорошо-с, – ответил кремлёвскому гостю мемендар, – привезём судака, запустим в ванну, и всё увидите.

– А не лучше ли нам, – сказал Федотов, – отправиться на рыбалку, да самим на завтрак и наловить?

– Какая рыбалка, скоро уж ночь на дворе!

– Об этом не беспокойтесь, – ответил градоначальник, – у нас для рыбной ловли всякое время суток годится.

Короче, поехали они ночью с профессиональными рыбаками в один ольминский затон. Там-то с лодки, используя направленный свет электрической фары, заряженной от аккумулятора, и стали ловить. Бычков на носу лодки с острогой в руках сидит, остальные на подхвате.

Вышли они на очень даже крупного полупроходного сазана-горбача. Килограммов за тридцать в нём было, и длиной примерно метр двадцать. Свет ослепил рыбину. Замер горбач, только плавниками поводит.

Ударил Бычков острогой, пронзил рыбу чуть ли не насквозь. Однако сазан – животное сильное. Рванул со всей моченьки, соскочил с остроги, только и видели, как кишки из распоротого брюха потащились. Не в то место, куда следовало бы, угодил московский начальник, не в хребёт, а сбоку; не было в нём рыбацкой сноровки, и сам он чуть не упал в воду от толчка.

Расстроились все, конечно. Но ничего, отпили по глоточку-другому коньячка из плоских фляжек, покурили дорогие заморские сигаретки, успокоили расхोлившиеся было нервы и продолжили ловлю. Бычков в азарт вошёл, первый раз такое чудовище чуть ли не голыми руками ухватил.

Скоро им ещё раз повезло. Навострил Бычков острогу сверху вниз и проткнул сазана со спины. Тоже знатная рыба оказалась. Вдоль хребта тёмная, а по бокам – чистое золото. Взвешивали потом – на шестнадцать с половиной килограммов потянула.

Каких только случаев не было. Об одном даже по центральному телевидению рассказывали. Без упоминания имён. Но мы-то знали, о ком речь.

Приехал тогда в Ольмаполь лидер проправительственной фракции Госдумы Бугаев.

Дело было в конце июня на заливных лугах, где после схода весенней ольминской воды оставались многочисленные прозрачные бочажины. Вот на этих угодьях заезжий бугай и ловил нашу рыбку.

Больно уж его подивило орудие промысла – самодельный алюминиевый бочонок без днища с ручками по бокам. Суть процесса в том, что рыбак в болотных сапогах просто переходит по затопленному лугу с места на место и резко ботает бочонком в неглубокую воду то здесь, то там, упирая его в почву и стараясь накрыть отчётливо видимую добычу. Хватать, а в бочонке уже и рыба забилась. Остаётся только или руками её ухватить или сачком поддеть.

В ту весну много рыбы на луга на нерест зашло. Бугаев всё ловил и ловил, никак остановиться не мог, такой, значит, в нём пыл появился. С центнер, наверно, набагрил. Подлещик, щучка, белый амур, крупный окунь, карась и даже сазан – такова была его добыча.

И всё-таки, рыбалка – это тихое дело, а вот охота на дикого зверя – громкое.

Кроме всего прочего, в Ольмапольском районе имелись довольно обширные заповедные леса, примыкавшие к отрогам Ольминских гор, где водилось немало живности. Вот её-то, эту живность, чернильные души и отстреливали. Валили кабанов, лосей, оленей. Случалось, добывали и медведя. Ну на последнего просто так, в открытую, не выходили, рисковое всё-таки дело. А вот с вертолёта несколько «мишек», восемь или девять, точно уж не помню сколько, только за один год оприходовали.

Больше всего ольмапольцам запомнился случай с охотой на горных архаров, водившихся на скалистых предгорьях Кош-Ольмача, в которой участвовал полпред российского президента в Госдуме Косолапкин. Горные архары эти, между прочим, занесены в международную Красную книгу и Красную книгу России как редкое животное с постоянно убывающей численностью. Охота на них была под абсолютным запретом.

Но российские законы писаны для простых смертных, а для высоких сановников они не более чем сортирная бумажка при случае.

Короче, полетел новоявленный московский гость на вертолёте охотиться на бедных архаров. В тёплой компании местных мандаринов. Не прошло и получаса, а на их счету уже было четыре или пять краснокнижных животных, крупных, килограммов по сто восемьдесят. Однако этого количества им показалось мало, и охоту было решено продолжить.

На беду или на счастье, это опять уж для кого как, вертолёт зацепился лопастью за гору при попытке захода для зависания. И потерпел крушение. Как раз в то мгновение, когда Косолапкин уже прицелился в очередную свою жертву.

Но, видимо, Бог пожалел горного барана. А браконьеров не пожалел. При крушении, кроме Косолапкина, насмерть разбились вице-премьер правительства области, председатель комитета области по охране животных, сотрудник аппарата Госдумы и несколько членов экипажа вертолёта. Лётчиков, конечно, жалко, они народ подневольный, а что касается чиновников, то туда им и дорога. От них все наши беды.

Я был вне себя от радости, что им крышка настала. На душе такая благодать разлилась – словно боженька по ней босичком пробежал! Да для всего Ольмаполя тогдашний день великим праздником выдался, радовались и стар и млад.

А несколько человек выжили, и вместе с ними какой-то эксперт из Госдумы. Его, жирного борова, ещё по телевизору показывали, как он, лёжа в больничной палате, возмущался в видеокамеру по поводу реакции обычных граждан на случившуюся катастрофу.

– Это надо же, – говорил он, – животных жалеют, а к нам никакого сочувствия! А мы ведь столько страданий перенесли!

На самом же деле жалко было, что он тоже не окочурился.

Всех этих преступников потом оправдали. Ну да, рука руку моет. Исполнительная власть – одна рука, а судебная – вторая. Вот если бы на месте браконьеров оказался кто-нибудь из простолюдинов, то дали бы на полную катушку.

С простыми ольмапольцами, не считая ближней прислуги, обитатели этого самотворного рая редко пересекались. Только если задавят кого на своих иномарках или сами разобьются. В первом случае к делу подключались адвокаты и прочие юристы с целью охранения нуворишей от поползновений возмущённой черни. Во втором случае к выполнению профессиональных обязанностей приступали врачи или гробовщики.

Лично мне изобильная жизнь ольмапольской элиты напоминала картинку из Древнего Рима, на которой были показаны тогдашние бани – термы.

В термах возлежали, пили благородные напитки и вели возвышенные светские беседы достославные патриции. А внизу, под подземными сводами, словно черти в аду, гнули спину, изнемогая от жары и духоты, истопники-рабы. Изо дня в день до самой смерти не переставали они поддерживать в печах и, следовательно, в термах нужную температуру.

Я чувствовал себя одним из этих рабов.

Глава восьмая. Первая победа

Хоть мой амиго и утверждал, что он из параллельной среды обитания, но у меня всегда таились сомнения по этому поводу. Ещё больше они укрепились, когда я узнал, что этот господин несколько раз посещал городское кладбище.

Отправлялся туда дон Кристоаль втихаря, ни словом не обмолвившись, но мне ведомы были его пути-дорожки, потому что ещё в первые дни нашего знакомства он одарил меня некоторыми своими качествами, и я стал способен, кроме всего прочего, зреть на расстоянии.

На кладбище он посещал могилу некой Марии Кузьминичны Михайловой, похороненной в тридцать девять лет; плакал, обнимая невзрачный холмик, и приводил могилу в порядок, орудуя обычной штыковой лопатой. Путаны, взъерошены были в эти минуты мысли испанца (испанца ли?), но из того, что мне удалось почерпнуть в хаосе его мозговертений, я пришёл к выводу, что в земле лежит его мать.

– Вы ведь понимаете, Аркадий, – сказал однажды дон Кристоаль, – в таком состоянии ваше общество не должно больше оставаться, промедление для него смерти подобно.

– Конечно, понимаю, – ответил я, думая о том, что моего собеседника, видимо, заиклило на этом пункте. Несколько дней назад он то же самое говорил, чуть ли не слово в слово. – Как понимают и абсолютное большинство других. Потому-то многие, особенно наименее просвещённые, и поддаются диким инстинктам, и воруют, и развратничают, и совершают другие не очень красивые дела, словно перед концом света, когда осталось только последний раз погулять и затем сразу умереть.

– Тогда надо действовать, чтобы изменить ситуацию.

– А как?

– Для начала надо сменить мэра вашего города. Ведь он вор, мошенник или, как в нынешнее время принято говорить, коррупционер. И вокруг него, всё его окружение – тоже воры, мошенники, продажные твари. Скоро выборы городского главы. Надо сделать так, чтобы у власти оказался достаточно умный, честный, порядочный человек. Есть ли у вас такие?

– Дон Кристоаль, о городе вы знаете не меньше моего, и вам известен расклад политических сил. Одна партия – «Объединённый Ольмаполь» – под общим руководством Федотова правит бал, а остальные ей подыгрывают.

– Конечно, мне это известно. Но хотелось бы, чтобы вы высказали своё мнение по поводу выборов.

– Хорошо, я скажу. Лично мне знаком лишь один честный, бескорыстный человек, который, думается, вполне подошёл бы по своим деловым качествам, если бы не одно «но». Это бывший журналист Виктор Алексеевич Черноусов. Здесь его материалы ни разу не публиковали, а только в областных и центральных газетах. Кроме как о коррупции он ни о чём не писал и не один раз рассказывал правду о местных олигархах и их покровителях. Пока его не отдубасили стальной арматуриной прямо на задах собственного дома. С тех пор Черноусов не вылезает из инвалидной коляски, редко покидает пределы своего дома и огорода и толком не владеет ни головой, ни речью. Сами понимаете – какой из него руководитель!?

Бывший корреспондент жил на Амбарной, через три дома от меня. Однажды я помог ему выехать из калитки на улицу, и ещё мы с ним несколько раз беседовали. Проникшись ко мне доверием, Черноусов рассказывал о «кухне», где варилась наше провинциальное политическое хлебобо.

Именно из его слов я получил первоначальное вполне достоверное представление, какой навар имеет ольмапольская чиновная верхушка от поборов с предпринимателей, и как они распиливают между собой государственные денежки. Какой процент пирога у мэра, какой – у

главного прокурора, начальника милиции и их присных, и как одна служба покрывает другую. И в каких случаях используется явно криминальный элемент.

Например, в эпизоде с избием самого Черноусова.

Не успел тогда мэр Федотов договорить до конца в тесной компании, в присутствии начальника полиции Тюрина, что пора бы и остановить строптивного журналиста, как главный полисмен тут же передал его пожелание одному из своих людей, предназначенных для выполнения заданий подобного свойства. Этот человек перетолковал ещё с кем надо...

В конечном счёте, был использован один отморозок по фамилии Подкорытов, наркоман, замешанный в ограблении трёх человек. Ему пообещали, что грабежи для него сойдут по лёгкому, если отлупошит одного фраера. И тот отлупошил.

Однако дело, благодаря участию столичных СМИ, приняло громкую огласку. Встав «под ружьё», полиция быстро нашла преступника, хотя по первоначальному замыслу его не должны были найти, и оказалась очень даже на высоте. От грабежей Подкорытова отмазали, за избие журналиста прокурор попросил не так уж много, суд дал и того меньше. А спустя месяц, осужденный тихо скончался от передозировки наркотика.

– Журналист, пожалуй, тот человек, который мог бы круто изменить обстановку в городе, – согласился со мной испанец. – А подняться на ноги мы ему поможем. И с головой у него всё будет хорошо.

Вечером того же дня дон Кристоаль отправился к Черноусову. По истечении нескольких часов он вернулся в гостиничный номер.

– И каков кпд вашего визита? – спросил я, едва он переступил порог.

– Виктор Алексеевич согласился участвовать в избирательной кампании, – ответил мой амиго. – И он резко пошёл на поправку. Покинул инвалидное кресло, энергично ходит по дому, разминает ноги и всё норовит подпрыгнуть. Голова же у него теперь как у Сократа – ясность мысли удивительная.

– И он прямо таки сразу согласился?

– Нет, конечно, не сразу. Поначалу он высказал сомнения, удастся ли собрать команду стойких единомышленников, чтобы успешно руководить двухсоттысячным городом.

– А вы?

– Я стал наводить его на идею создания новой партии, скажем – партии порядочных людей, и из неё черпать кадры.

– А он?

– Засомневался в результативности. Сказал, что как только вновь образованная партия придёт к властному кормилу, в неё сразу полезет разное ворьё. В том числе из «Объединённого Ольмаполя», которое сплошь до единого воры. Но я попробую, сказал он, без создания партийной организации найти честных специалистов с сильной гражданской позицией. И ещё он надеется эффективно использовать уже существующий рядовой чиновничий аппарат.

– Вы воздействовали на журналиста посредством гипноза?

– Немного. Я только придал ему уверенности в собственных силах.

Значит, всё-таки гипноз. В дальнейшем дон Кристоаль ещё не раз использовал эту свою способность подчинять людей. Силу его магнетизма в полной мере я ощутил и на себе лично.

Чтобы не быть слишком многословным, скажу только, что Черноусова зарегистрировали как кандидата, выдвинувшего свою кандидатуру самостоятельно.

Тогдашние власти смирились с этим потому, что были полностью уверены в провале бывшего борзописца. Население города давно уже забыло, кто он такой. Федотов со своими собратьями, тоже подзабывшие о нём, поначалу откровенно потешались над его потугами быть избранным. И напрасно.

Благодаря дону Кристобалью, его деньгам и всё тому же гипнотическому воздействию, Черноусов выступал по телевидению не реже, чем его оппоненты. Позиция его, на мой взгляд, была достаточно сильной и чёткой.

– Граждане! – говорил он, обращаясь к избирателям. – За последние несколько лет нас стало на десять тысяч меньше. Почему? Да потому что смертность возросла втрое, а рождаемость, наоборот, резко сократилась. Сократилась продолжительность жизни. Опять же почему? Ответ прост. То, что осталось от разрушенной экономики, пробуксовывает и в Ольмаполе, и в целом по стране, и средств для нормального жизнеобеспечения совершенно недостаточно. При этом высшие чины и наиболее крупные предприниматели, назначенные таковыми существующей властью, жируют, изымая у города, то есть у вас, те небольшие субсидии, которые предоставляет государство, а вы влачите жалкое существование, гробя последнее здоровье смертоносными суррогатными продуктами. Если вы смирились с собственной участью, подумайте хотя бы о детях! Неужели и им вы хотите уготовить подобное прозябание и, в конечном счёте, полное вымирание?! Деградация общества, духовная и физическая, идёт от нынешних проворовавшихся и изолгавшихся верхов, которые заботятся только о собственном благополучии и своём имени в истории, но никак не о лучшей доле для народа. Они купаются в роскоши, а вы изнемогаете от болезней и нищеты. Как можно изменить ситуацию? Только избрав во власть других людей, способных оживить экономику и обеспечить новые хорошо оплачиваемые рабочие места. Избрав людей, которые не обкрадывали бы вас. Я причисляю себя к их числу. Проголосуйте за меня, и вместе мы добьёмся динамичного развития и процветания Ольмаполя.

В другой раз он говорил:

– Из-за них, власть держащих, многие тысячи умерли раньше времени, а многие тысячи не родились!

И ещё.

– Они обещают стабильность, другими словами, собираются сохранить, законсервировать собственное благоденствие и продолжение вашего убогого существования. Я же при вашем участии обязуюсь обеспечить всему простому народу зажиточную долголетнюю жизнь и духовное возрождение. Судите по делам, а не по цветистым речам нынешних властителей, судите по обстановке, окружающей лично вас, как материальной, так и духовной, по условиям, в которых вы живёте – по своему жилью, зарплате, одежде, качеству продуктов питания, здоровью детей, по тому, как складывается ваша судьба и судьба ваших близких. Меня в своё время изувечили, чтобы я замолчал. Но, преодолев последствия травм, я продолжаю говорить, обличая страшную беспощадную воровскую чуму, поразившую наше общество. Однако одних слов недостаточно. Чтобы претворить в жизнь ваши чаяния, нужна другая, поистине народная власть, которую вы можете сформировать, проголосовав за меня.

Главным соперником Черноусова был Федотов, остальные несколько человек выступали в качестве статистов.

Федотов тоже говорил красивые слова и обещался обеспечить различные улучшения. Ещё он говорил, что у Ольмаполя нет ни нефти, ни газа, ни других природных ресурсов, что область находится на дотации федеральной власти и поэтому остаётся только кроить те недостаточные субсидии, которые спускаются сверху.

– Тем не менее у вас есть крыша над головой, вы и ваши дети одеты и обуты, имеются средства на пропитание, нормальное медицинское обслуживание, вполне приемлемые условия для получения образования. А что может дать человек ниоткуда, у которого нет опыта управления достаточно крупным городом? Ничего прежде не сделав, он обещает златые горы! На чём же основаны его обещания? Ясно, что на пустом месте. Обеспечить нормальную жизнь двухсоттысячного населения – это не статейку накропать. Не дайте себя обмануть, иначе вы свалитесь в такую яму, угодите в такую западню, из которой долго придётся выбираться!

Выступления действующего градоначальника Виктор Алексеевич использовал против него же самого.

– Федотов ссылается на то, что у нас нет ни нефти, ни газа, ни других природных богатств, – говорил он, опровергая аргументы основного противника. – Всего этого, кроме железной руды, нет и в Люксембурге, европейском государстве, равного нашему Олмапольскому району по площади. Но если Люксембург – высокоразвитая постиндустриальная держава с высоким же уровнем жизни, то Олмаполь – нищий заброшенный край. Сравнений можно найти полно. Много ли природных ресурсов, скажем, у той же Японии, подверженной природным катаклизмам, или Финляндии? Не больше, чем у нас, между тем обе эти страны тоже процветают! А мы десятилетиями то топчемся на месте, то идём ко дну. Значит, дело не только в наличии или отсутствии полезных ископаемых, но и в желании и умении властей строить общественные и экономические отношения.

Газеты и телевидение поливали Черноусова грязью со всех углов и точек зрения, какие только можно было придумать. Припомнили даже амурную историю, приключившуюся незадолго перед тем, как его искалечили.

В ту пору, по слухам, он потерял голову из-за Генриетты Леопольдовны, жены своего бывшего газетного шефа, некоего Воробьёва. И она, вроде бы, вспылала к нему страстью и пренебрегла мужем ради большой любви. Но когда Виктор Алексеевич оказался в инвалидной коляске, женщина будто бы взвесила всё за и против и вернулась к законному супругу. Сразу после этого Воробьёвы уехали куда-то на сторону.

И вот этот пронафталиненный отрывок из жизни претендента на мэрское кресло вытащили на свет божий.

Журналиста в призме давнишнего любовного скандала стали подавать исключительно как аморального типа, для которого не существует ничего святого, а на первом плане только удовлетворение сладострастия.

На самом же деле отношения Черноусова и мадам Воробьёвой были куда запутанней.

Кроме всего прочего, в те времена, равно как и теперь, действовали сильные подводные течения, линии которых, в частности, сводились к поиску компромата на независимого журналиста с тем, чтобы выдавить его из города.

Каждый шаг Виктора Алексеевича тщательно отслеживался. Не успел он перемигнуться с Генриеттой Леопольдовной, как с ней тут же побеседовали заинтересованные лица и за весьма внушительную сумму предложили завязать интрижку с корреспондентом. И без лишних слов вручили половинный аванс.

Мучившаяся от безделья и склонная к авантюрам, Воробьёва дала согласие и пустилась во все тяжкие. Однако в разгар отношений с Виктором Алексеевичем, узнав его как незаурядного свободомыслящего человека, отличающегося от остальной серой массы, она вспылала к нему неистовой неугасающей страстью и как-то раз вслед за мгновениями близости рассказала о подоплеке происходящего.

В ответ Черноусов только посмеялся и сказал:

– Забудь о нечистых деньгах и подонках, которые тебе их дали. Пусть сгинет всё прежнее!.. Нам ведь хорошо друг с другом и это – главное.

– Ах, Витя! – воскликнула женщина, обрадованная такому лёгкому отношению любовника к чёрному делу. – За один лишь час, проведённый с тобой, я готова отдать половину жизни! Ты пробуждаешь во мне только чистые чувства и помыслы; только познакомившись с тобой, я поняла, для чего стоит жить. А там, откуда я пришла, один примитивизм, бесконечное накопление и подгребание под себя. О господи, ну хоть бы краешек светлой мысли был у кого!.. Витя, миленький, давай уедем отсюда!

– Нет, Генри, уезжать рано, прежде мне надо вытащить на суд людской ещё одно дельце, показать, кто есть кто и откуда протянулись щупальца спрута.

Речь шла об афере, связанной с захватом Федотовым и его людьми машиностроительного завода.

– Черноусов, ты погубишь себя!

– Может быть. В любом случае в том помойном обществе, которое они учреждают, я жить не хочу. И всячески этому буду препятствовать.

– Ах, дурачок, ты не представляешь, как мне хорошо с тобой! Одно беда – сердце кровоточит, чувствует оно, кончится скоро всё не очень ладно.

Такая получилась у них любовь. Тогда, несколько лет назад, история эта получила широкую огласку, причём людская молва, в противовес газетам и телевидению, рисовала её только в романтическом свете. В итоге, обмарать Черноусова совершенно не удалось. Наоборот он виделся этаким возвышенным джентльменом, особенно в глазах большинства женщин.

Когда Воробьёвы уехали, в народе стали поговаривать, что их принудили покинуть город, пригрозив чем-то Генриетте. О том, что случилось с самим Виктором Алексеевичем, я уже рассказывал.

...Теперь эту историю снова пустили в ход, и опять ничего не вышло. И по другим позициям сказать слишком много про Черноусова информационные средства тоже никак не могли – журналист ничего не украл и был гол как сокол.

Поэтому постепенно акцент был смещён на то, что будто бы он по-прежнему в значительной степени невменяем, и довольно прозрачно стали намекать на дебилизм, олигофрению. Дескать, самовыводженец не в состоянии ни как следует, грамотно изложить свои мысли, ни тем более материально и финансово обеспечить себя лично, не говоря уже про город. Короче, по словам оппонентов, получалось, будто перед избирателями не кандидат в мэры, а Иванушка-дурачок.

Дней за десять до выборов состоялись теледебаты с участием нашего журналиста и действующего градоначальника.

Федотов подул в прежнюю дуду и начал упрекать оппонента в непрофессионализме и неспособности ввиду этого создать условия для нормальной жизнедеятельности города. А Черноусов в ответ привёл внушительные цифры на счетах градоначальника в отечественных и зарубежных банках – цифры в полном объёме обеспечил всё тот же дон Кристоаль – и попросил объяснить их происхождение.

Федотов только глаза выкатил и ничего вразумительного сказать не мог. Тогда о происхождении огромных денежных средств начал рассказывать его соперник – во всех подробностях.

Короче, баталия была ещё та.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.